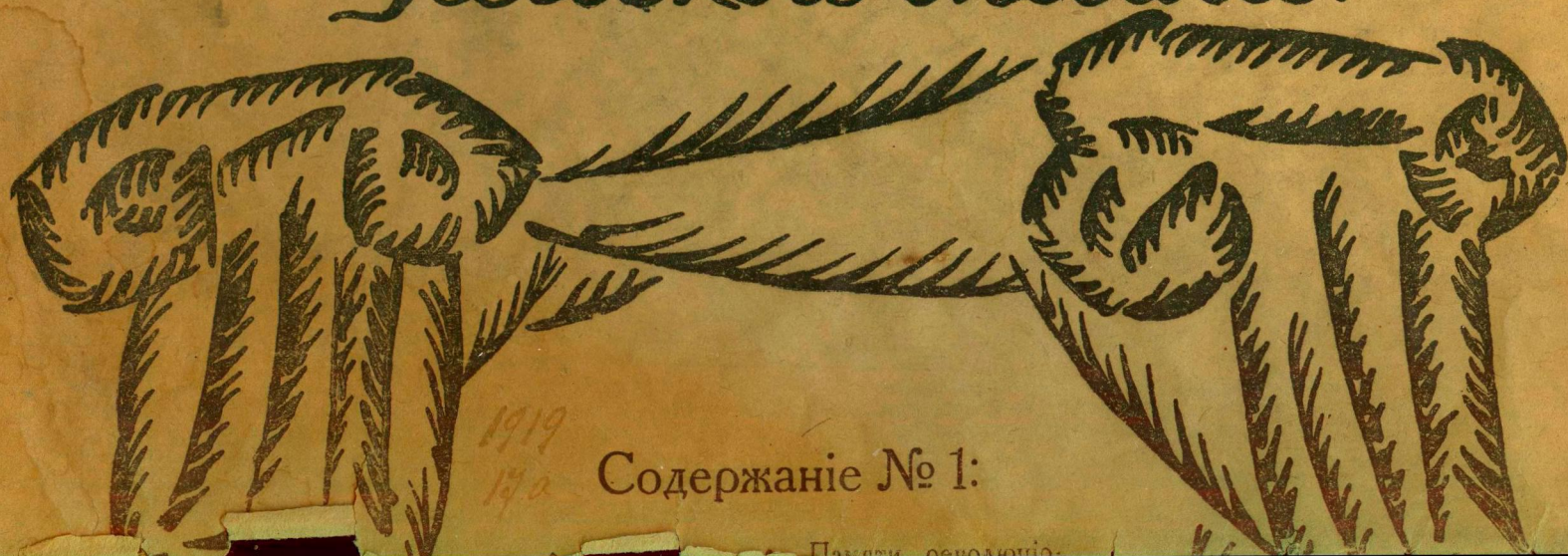

5597 1034 5597

ПАРАСА

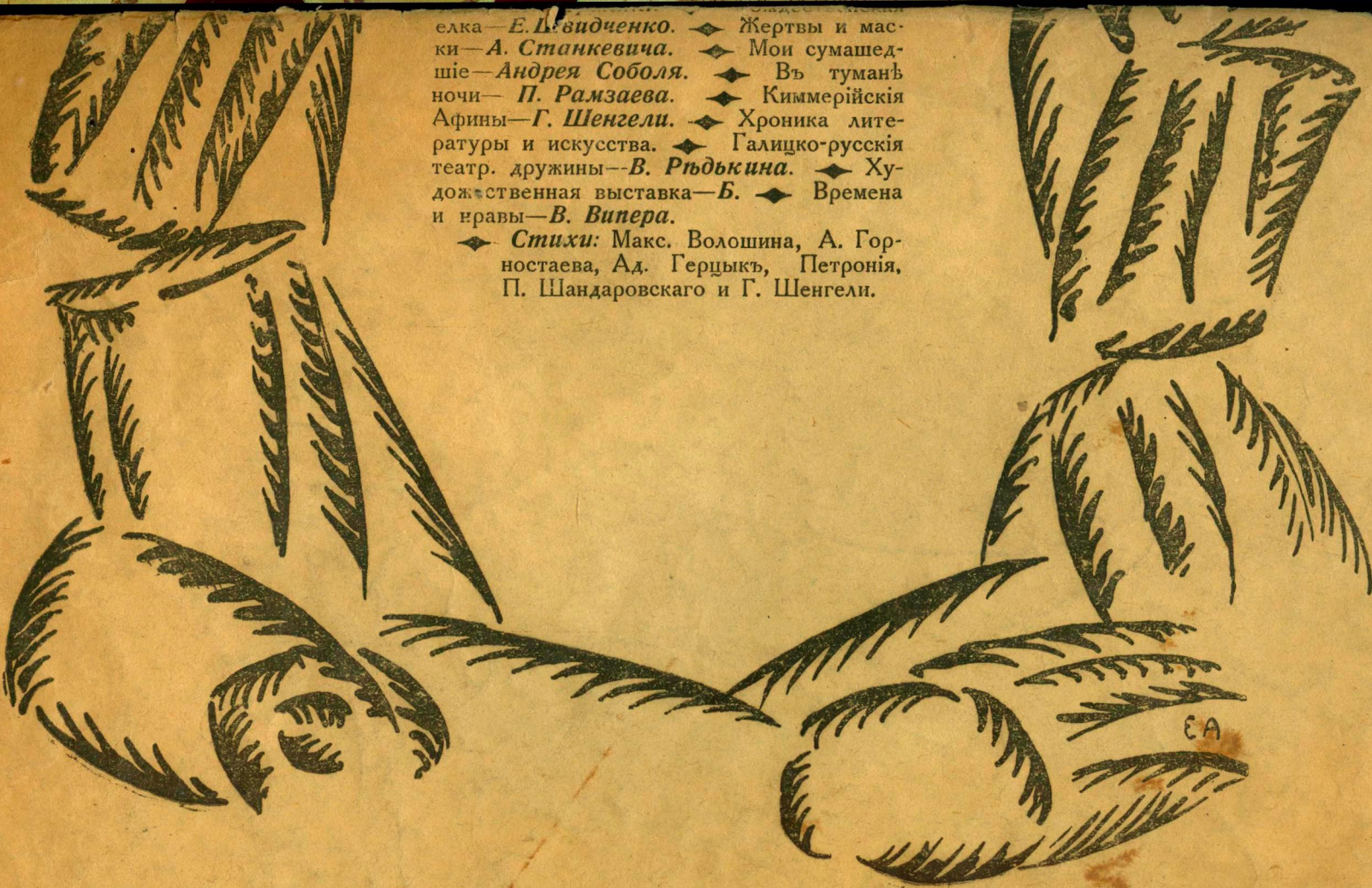
еженедельный листок литературы,
искусства и общественно-поли-
тической мысли.

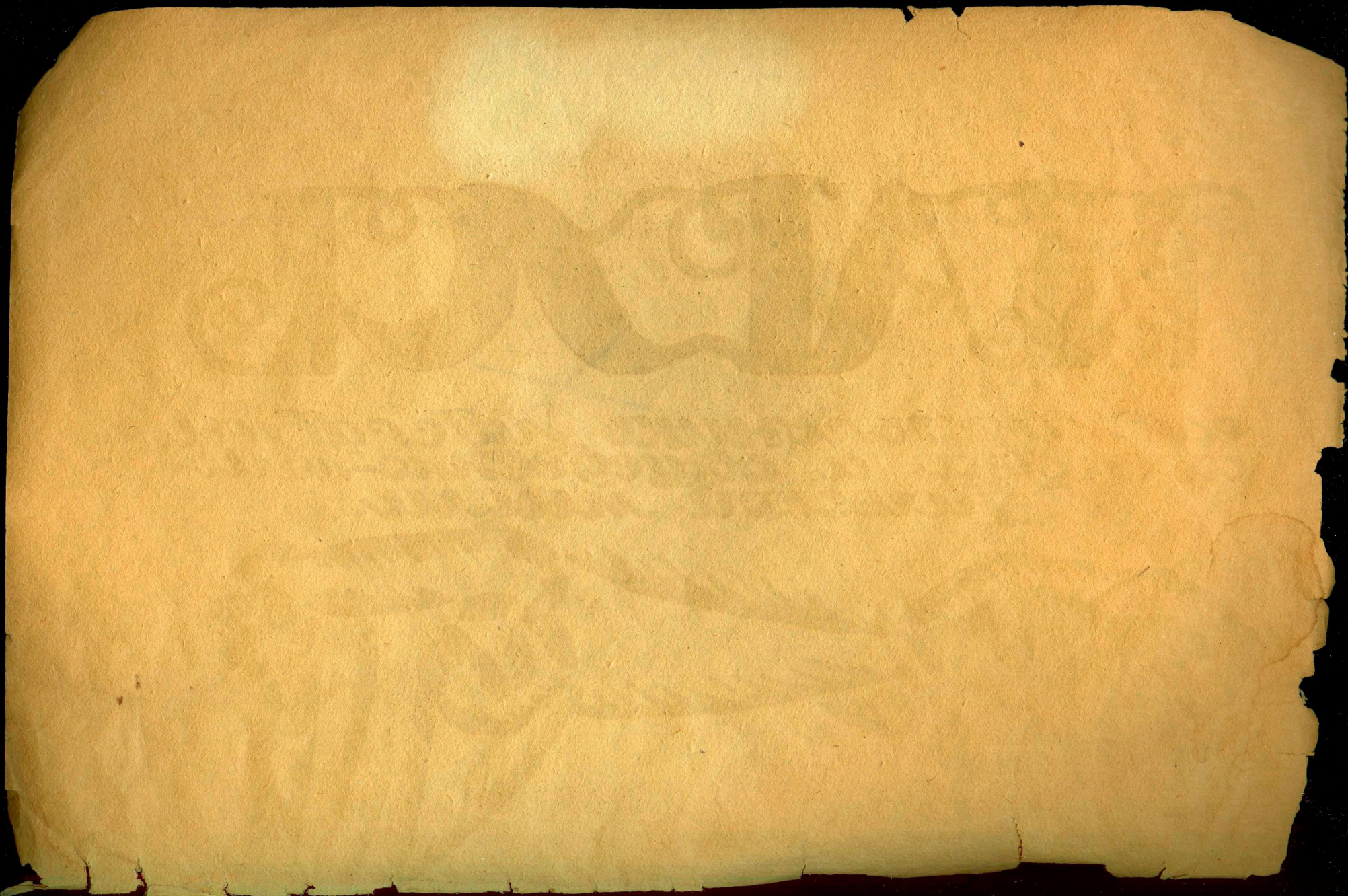

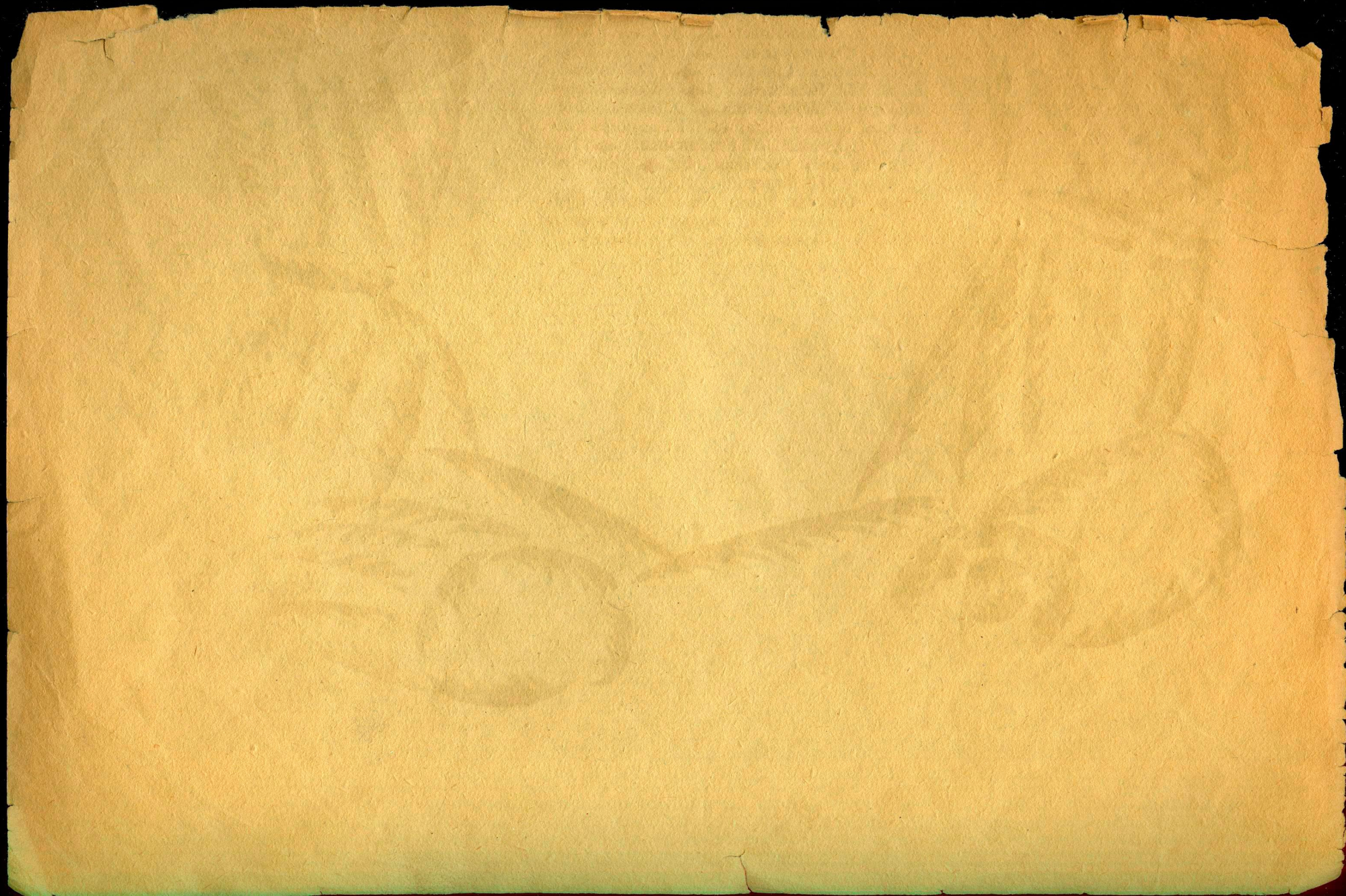
1919
170

Содержание № 1:

елка—Е. Давиденко. ♦ Жертвы и мас-
ки—А. Станкевича. ♦ Мои сумашед-
шие—Андрея Соболя. ♦ Въ туманъ
ночи—П. Рамзаева. ♦ Киммерійскія
Афины—Г. Шенгели. ♦ Хроника лите-
ратуры и искусства. ♦ Галицко-русскія
театр. дружины—В. Рѣдькина. ♦ Ху-
дожественная выставка—Б. ♦ Времена
и нравы—В. Випера.
♦ Стихи: Макс. Волошина, А. Гор-
ностаева, Ад. Герцыкъ, Петронія,
П. Шандаровскаго и Г. Шенгели.

РЕДАКЦІЯ

открыта ежедневно
кроме праздниковъ
отъ 10 до 2 ч. дня

Для облегченія
труда наборщик. просить
присылать статьи пере-
писанными на машинкѣ.
Непринятые рукописи
не возвращаются.

Тел. редакціи и конторы:
492 и 44—80.

ПАРУСЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

литературы, искусства и общественно-политической мысли.

№ 1

Воскресенье 19 января 1919 г.

№ 1**КОНТОРА**

открыта ежедневно
кроме праздниковъ
отъ 9 до 4 ч. дня

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1 мѣс. безъ дост. 12 р.

" " съ перес. 14 р.

Контора и редакція

помѣщаются:

Классическій пер. 8, кв. 3.

Харьковъ, 19-го января

По вечерамъ улицы слѣпы и тревожны. Мелкіе, беспомощные, желтые глаза фонарей, выглядывающіе изъ запуганныхъ квартиръ, подливаютъ еще больше тревоги.

Изъ черныхъ переулковъ выходятъ на добычу убійцы. Грабятъ и съ человѣческой кровью обращаются, какъ съ водой...

Изъ черныхъ переулковъ разбросанно вылетаютъ выстрѣлы, и замирающее отъ ужаса ухо раскрываетъ ихъ жуткое значеніе: прибоемъ ночи будутъ выброшены на берегъ дня трупы людей...

Этому виной не революція, а гнойныя отравленныя ягодки войны, развалившей въ концѣ человѣчность и уравнившей всѣхъ людей хамствомъ, жестокостью и озвѣрѣніемъ...

Въ этотъ смрадный часъ въ кровавомъ

отъ совмѣстной работы съ ней по созданію новыхъ культурныхъ цѣнностей, разъ эта власть ставить культурное строительство одной изъ центральныхъ своихъ заботъ.

На Культуру—туда направленъ нашъ Парусъ.

Туда ведетъ его попутный вѣтеръ...

Памяти революціонера.

Газеты принесли краткое извѣстіе: въ Петроградѣ, въ Петропавловской больницѣ, умеръ шлиссельбуржецъ Германъ Александровичъ Лопатинъ... И больше ничего. Еще не пришло время писать біографіи Лопатина,—цѣль настоящихъ строкъ напомнить обществу объ одномъ изъ самыхъ чистыхъ и замѣчательныхъ людей, какихъ дало русское „подполье“ въ

са ухо раскрываетъ ихъ жуткое значеніе: прибоемъ ночи будутъ выброшены на берегъ дня трупы людей...

1919
170
Этому виной не революція, а гнойныя отравленныя ягодки войны, развалившей въ людей хамствомъ, жестокостью и озвѣрѣніемъ...

Въ этотъ смрадный часъ въ кровавомъ и зачумленномъ туманѣ мы поднимаемъ свой одинокій, но бѣлый Парусъ, на которомъ пламенными буквами начертано:

КУЛЬТУРА!

Политическія партіи заковываютъ личность, жерновами перемалываютъ ея творческія силы, заставляя идти по узенькой колеекѣ, одобренной „фракціей“ или „комитетомъ“.

Политическія партіи стараются перешагнуть другъ друга программными обѣщаніями болѣе высокой заработной платы, болѣе сокращеннаго рабочаго дня, большаго количества десятинъ земли, но отнюдь не большаго количества культурныхъ благъ.

Мы твердо убѣждены, что только культура, а не та или иная политическая партія, установитъ подлинный рай на землѣ.

Мы считаемъ самой острой неотложной задачей момента—вталкиванье невѣжественныхъ мутныхъ волнъ въ берега упорной и неотрывной работы по культурному строительству.

И если та или иная власть противорѣчива нашимъ политическимъ убѣжденіямъ, мы все-же не вправѣ отказываться

Памяти революціонера.

Газеты принесли краткое извѣстіе: въ Петроградѣ, въ Петропавловской больницѣ, умеръ шлиссельбургецъ Германъ Александровичъ Лопатинъ... И больше ничего. Еще не пришло время писать біографію Лопатина,—цѣль настоящихъ строкъ напомнить обществу объ одномъ изъ самыхъ чистыхъ и замѣчательныхъ людей, какихъ дало русское „подполье“ въ неустанной борьбѣ съ самодержавіемъ за счастье народа.

Германъ Александровичъ родился въ 1845 году. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ обратилъ на себя вниманіе кроткимъ нравомъ, силою воли и рѣдкою для ребенка вдумчивостью.

Уже на школьной скамѣ средне-учебнаго заведенія Лопатинъ проявляетъ задатки будущаго революціонера: онъ отказывается мириться съ рутинною въ домашнемъ и школьномъ обиходѣ, отстаивая въ каждомъ конфликтѣ свое человѣческое достоинство. Въ петроградскомъ университетѣ онъ съ первыхъ шаговъ привлекаетъ вниманіе товарищей и входитъ активнымъ членомъ въ нарождавшіеся тогда студенческіе кружки и организаціи. Вскорѣ по окончаніи университета Лопатинъ уже заподозрѣнъ: его арестуютъ и ссылаютъ въ Ставрополь-Кавказскій. Его высшее образованіе, происхожденіе и связи родныхъ приводятъ къ тому, что его опредѣляютъ на службу къ ставропольскому губернатору чиновникомъ по канцелярской части... Разумѣется въ Ставрополѣ Лопатинъ становится центромъ общественной жизни: онъ беретъ въ свои руки городскую бібліотеку, завязываетъ сношенія со столичными книгопродавцами и превращаетъ захудалое учрежденіе въ гордость Ставрополя...

Пользуясь довѣріемъ и любовью мѣстныхъ властей, онъ принимаетъ на себя руководство крестьянскимъ отдѣломъ губернскаго правленія и проводитъ

въ губерніи реформу огромной важности въ соотвѣтствіи съ пожеланіями крестьянства: установленіе общинно-передѣльнаго землевладѣнія на принципѣ уравнительности. Въ то же время Лопатинъ устраиваетъ въ Ставрополѣ филиаль петроградской революціонной организаціи и ведетъ переписку со своими петроградскими друзьями... Эта переписка губитъ его: петроградская охранка, производя повальные обыски по „нечаевскому“ дѣлу, находитъ у одного изъ «нечаевцевъ» письмо Лопатина.. Онъ арестованъ и заключенъ на военную гауптвахту, но Лопатину въ 1869 году удается бѣжать, и онъ переходитъ на нелегальное положеніе.

Съ этихъ поръ Лопатинъ цѣликомъ уходитъ въ революціонную дѣятельность. Онъ отдаетъ всѣ свои силы товарищамъ по общей работѣ, томящимся въ неволѣ. Въ 1870 году онъ организуетъ Лаврову побѣгъ изъ Кадникова за границу. Въ то же время онъ не оставляетъ научныхъ занятій, пишетъ статьи, составляетъ брошюры, агитируетъ, и всюду и вездѣ является связующимъ звеномъ благодаря своему исключительно-мягкому и благородному характеру. Въ грызнь подполья у одного только Лопатина не было враговъ, его всѣ одинаково любили и уважали..

Постепенно Лопатинъ становится въ первые ряды революціонной интеллигенціи той эпохи, беретъ на себя выполненіе самыхъ дерзкихъ, самыхъ отвѣтственныхъ предпріятій. Въ 1872 г. онъ отправляется въ Сибирь для освобожденія Чернышевскаго, но охранка не дремлетъ, и Лопатина арестуютъ. Послѣ краткаго тюремнаго заключенія Лопатинъ бѣжитъ въ 1873 г. въ Петербургъ, гдѣ товарищи заставляютъ его, наконецъ, уѣхать за границу.

Съ прибытіемъ Лопатина русская колонія въ Бремсх-Шлюсселѣ оживаетъ. Лопатинъ былъ свѣжей и притомъ ярко одаренной фигурой для того, чтобы

6-го октября 1884 года, роковой день, Лопатинъ шелъ со своимъ другомъ и славнымъ соратникомъ Неонилой Михайловной Саловой по улицамъ Петрограда. „Шпики“ выслѣдили ихъ, схватили... долго не видѣлъ послѣ этого Лопатинъ вольной волюшки.

Послѣ томительнаго трехлѣтняго предварительнаго заключенія только 28-го мая 1887 г. началось слушаніемъ въ Петроградскомъ военно-окружномъ судѣ «Лопатинское дѣло». Суду было предано 21 человекъ, въ томъ числѣ Лопатинъ, Салова, извѣстный поэтъ П. Ф. Якубовичъ (Мельшинъ), Антоновъ, Стародворскій, Конашевичъ и др. Инкриминировалось имъ и убійство Судейкина, и организація динамитной мастерской, и выпускъ № 10 „Народной Воли“ и т. д. Приговоръ для Лопатина и четырехъ изъ его товарищей былъ жестокъ: смертная казнь, замѣненная вѣчнымъ заточеніемъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

Въ этой зловѣщей крѣпости Лопатинъ провелъ, страшно сказать, цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ, пока октябрьская амнистія 1905 года не освободила его, хотя и безъ возстановленія въ правахъ. О Лопатинѣ во время его пребыванія въ Шлиссельбургѣ много писали его товарищи по заключенію: много нѣжныхъ словъ, много сердечнаго тепла нашлось у шлиссельбуржцевъ для Германа Александровича. Мы не станемъ ихъ повторять. Пусть эти незабываемыя страницы перечитають тѣ, кому дорога память о подвижникахъ романтической эпохи русской революціи.

Эти строки не болѣе, какъ перечень, краткій и неполный, тѣхъ страданій, тѣхъ крестныхъ мукъ, какія вмѣстѣ съ другими немногими избранными перенесъ покойный Германъ Александровичъ, работая для счастья русскаго народа.

Теперь съ народа сброшены цѣпи, по крайней мѣрѣ цѣпи политическаго рабства. Пусть политическіе вожди безъ различія партійныхъ убѣжденій передъ

ряды революціонной интеллигенціи той эпохи, беретъ на себя выполненіе самыхъ дерзкихъ, самыхъ отвѣтственныхъ предпріятій. Въ 1872 г. онъ отправляется въ Сибирь для освобожденія Чернышевскаго, но охранка не дремлетъ, и Лопатина арестуютъ. Послѣ краткаго тюремнаго заключенія Лопатинъ бѣжитъ въ 1873 г. въ Петербургъ, гдѣ товарищи заставляютъ его, наконецъ, уѣхать за границу.

Съ прибытіемъ Лопатина русская колонія въ Брэммеръ-Шлюссель оживаетъ. Лопатинъ былъ свѣжей и притомъ ярко одаренной фигурой для того, чтобы погрузиться въ тину «колониальныхъ» сплетенъ и пересудовъ. Онъ привезъ съ собою рукопись Чернышевскаго: „Прологъ къ прологу“, которую передалъ редакціи журнала „Впередъ“, причемъ самъ онъ становится однимъ изъ руководителей этого журнала. Правительство русское поняло, какими бѣдами грозить ему пребываніе у истоковъ революціи кучки эмигрантовъ и въ томъ же 1874 году опубликовало указъ, коимъ призывало 19 эмигрантовъ немедленно вернуться въ Россію.

Ихъ было немного, всего только девятнадцать, но они были грозной силой, то были, придерживаясь стилия указа: кандидатъ правъ Германъ Лопатинъ, дворянинъ Михаилъ Бакунинъ, отставной полковникъ Петръ Лавровъ, дворянинъ Николай Огаревъ и другіе. Кромѣ Утина никто на „приглашеніе“ правительства не отозвался.

Въ это время Лопатинъ вступаетъ въ „Интернаціоналъ“, сближается съ Марксомъ, Энгельсомъ, Бакунинымъ и другими виднѣйшими дѣятелями революціи. Время отъ времени Лопатинъ наѣзжаетъ для активной работы въ Россію. Въ 1879 г. его арестуютъ и высылаютъ въ Вологду, откуда онъ снова бѣжитъ въ 1883 году за границу, но скоро возвращается въ Россію, вступаетъ въ число членовъ Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли“, участвуетъ въ организаціи предателямъ Дегаевымъ убійства Су-дейкина и рядъ другихъ революціонныхъ актовъ..

немъ ихъ повторять. Пусть эти незабываемыя страницы перечитаютъ тѣ, кому дорога память о подвижникахъ романтической эпохи русской революціи.

Эти строки не болѣе, какъ перечень, краткій и неполный, тѣхъ страданій, тѣхъ крестныхъ мукъ, какія вмѣстѣ съ другими немногими избранными перенесъ покойный Германъ Александровичъ, работая для счастья русского народа.

Теперь съ народа сброшены цѣпи, по крайней мѣрѣ цѣпи политическаго рабства. Пусть политическіе вожди безъ различія партійныхъ убѣжденій передъ величіемъ этой новой могилы сѣмѣются найти общій языкъ для общей творческой работы во имя того народа, которому отдалъ Лопатинъ свою свѣтлую, свою многострадальную жизнь.

Л. Н. Берманъ.

1. Заревницы.

Разбрызгавъ кровь закатнаго вина
По всѣмъ краямъ синѣющаго поля,
На небесахъ—знамена-пламена,
Шумящія, поютъ: „Земля и Воля!“

И стало такъ. И въ нѣкій новый часъ
Ниспадшій лучъ угрызъ во мгѣ блотной,
И отгудѣлъ громобудящій гласъ,
И свернуты сверкучія полотна...

На площадяхъ рыхлѣютъ тучи тѣль,
Съ своей землей спѣша смѣшаться снова;
А дикій духъ на волю улетѣлъ—
Нырять въ волнахъ эфира голубого...

Какъ черный слой, ложатся дымъ и гарь,
Про красный бредъ зари не вспоминая...
Надъ душами колдуютъ, какъ и встарь,
Земля... невольная... и воля... неземная...

2. Еще напоръ.

Не тихнетъ бой. И снова, снова,
Съ бездонной думой объ одномъ,
Какъ вихорь, въ колдуна сѣдого
Плескаюсь яростнымъ виномъ.

И грозный ликъ являя рати,
Несусь, не сброшенный никѣмъ,
Сорвать на вѣки тайнъ печати
Съ чела земли... А между тѣмъ

Звукъ, имя, лепетъ непримѣтный
Бросаю міру впопыхахъ...
Дымится даль, какъ стволъ мушкетный
У Войнаровскаго въ рукахъ...

И сномъ тягчится плоть, и низко
На травы алыя скользить...
А гдѣ то ужъ таится близко—
И славный часъ, и славный видъ.

Александръ Горностаевъ.

Рождественская елка.

„Рождественская елка! Какъ много въ этомъ словѣ для сердца нашего слилось!“ Дети говорятъ о ней съ восторгомъ, взрослые вспоминаютъ съ умиленіемъ. У всѣхъ она затронула самыя дорогія струны сердца, возбудила самыя нѣжныя чувства. И это не только у насъ, но и вездѣ, куда она проникла: во многихъ странахъ Европы, Америки, Австраліи и даже на островахъ Океаніи

ники) жители собирались въ рощи или къ отдѣльнымъ деревьямъ, украшали ихъ лентами, цвѣтами, лепешками, иногда зажженными фонарями и свѣчами; здѣсь же совершались затѣмъ попойки и всякія игры.

2. У многихъ народовъ Европы и Азіи существовалъ также обычай сжигать костры (бочки, деревья) подъ Новый годъ, для выраженія торжества и радости. Когда введено было среди этихъ народовъ христіанство, то нѣкоторыя черты изъ празднованія Нового года перенесены на Рождество; между проч. такимъ обр. было перенесено и *сжиганіе деревьевъ въ ночь подъ Рождество*. При этомъ дерево или полѣно, которое сжигалось подъ Рождество, получило у разныхъ народовъ различное названіе: французы называли его *la bûche de Noël*, англичане—*Yule log*, шведы и норвежцы—*jul-block*, нѣмцы—*Weihnachts-block*, южные славяне—„баднякомъ“.

3. Въ средніе вѣка въ Европѣ стали распространяться легенды о происхожденіи *крестнаго дерева*, причемъ въ нихъ проводился образъ широколѣтвистаго дерева (=символизація христіанства или всего міра), на которомъ помѣщаются и поютъ чудесныя птицы. Затѣмъ появилась идея, что вмѣстѣ съ рождествомъ Хр. Спасителя на землѣ возстановляется рай и что крестное дерево имѣетъ связь съ райскимъ древомъ жизни. Отсюда древнія колядки, прославлявшія Рождество Хр., стали воспѣвать райское или чудесное дерево съ тремя верхами, со свѣточами и съ птицами на немъ. Так. обр. установилась нѣкоторая идейная связь между райскимъ (крестнымъ) деревомъ и сжиганіемъ деревьевъ (полѣнъ) подъ праздникъ Рождества.

4. Отсюда и дерево (полѣно), которое сжигалось подъ Рождество, получило въ представленіяхъ народовъ особенное значеніе и силу. Такъ французскіе крестьяне обращаются къ зажженному *bûche de Noël* съ просьбой-молитвою, чтобы оно „хорошо согрѣвало ноги бѣдныхъ, чтобы никогда не пожирало живыхъ“.

Рождественская елка.

„Рождественская елка! Какъ много въ этомъ слове восторгъ, взрослые вспоминаютъ съ умиленіемъ. У всѣхъ она затронула самыя дорогія струны сердца, возбудила самыя нѣжныя чувства. И это не только у насъ, но и вездѣ, куда она проникла: во многихъ странахъ Европы, Америки, Австраліи и даже на островахъ Океаніи.

Откуда же она появилась въ человѣчествѣ? О происхожденіи елки можно написать цѣлую книгу и все-таки вопросъ не будетъ рѣшенъ вполне, такъ какъ наука не выяснила еще многихъ деталей дѣла.

Въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ войны съ нѣмцами, наше духовенство пыталось было опорочить елку въ глазахъ православныхъ людей, выставивъ положеніе, что она выдумана и введена въ обычай Лютеромъ. Но это утвержденіе не выдерживаетъ исторической критики. Тѣ картины, на которыя ссылается духовенство и которыя изображаютъ Лютера предъ зажженной елкой, написаны въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, то есть, спустя 3 вѣка послѣ Лютера, и представляютъ собою чистую фантазію нѣмецкихъ художниковъ. Можно считать за достовѣрное, что въ Германіи во времена Лютера нашей елки, какъ рождественскаго обычая, еще не существовало.

Откуда же она? Постараемся указать здѣсь тѣ элементы, изъ коихъ постепенно развился этотъ прекрасный обычай. (См. нашу книгу: „Святочная Хрестоматія“ и брошюру: „Рождественская елка.“)

1. У всѣхъ культурныхъ и дикихъ народовъ міра издавна существовалъ обычай почитанія деревьевъ, какъ жилища стихійныхъ духовъ. Такой обычай мы наблюдаемъ у древнихъ евреевъ, китайцевъ, арабовъ, греко-римлянъ, германцевъ, англо-саксовъ, славянъ, монголовъ и т. д. Въ извѣстныя времена года (празд-

крестное дерево имѣетъ связь съ райскимъ деревомъ жизни. Отсюда древнія колядки, прославлявшія Рождество Хр., стали воспѣвать райское или чудесное дерево съ тремя верхами, со свѣточами и съ птицами на немъ. Такъ обр. установилась нѣкоторая идейная связь между райскимъ (крестнымъ) деревомъ и сжиганіемъ деревьевъ (пожѣвъ) подъ праздникъ Рождества.

4. Отсюда и дерево (пожѣвъ), которое сжигалось подъ Рождество, получило въ представленіяхъ народовъ особенное значеніе и силу. Такъ французскіе крестьяне обращаются къ зажженному *bûche de Noël* съ просьбой-молитвою, чтобъ оно „хорошо согрѣвало ноги бѣдныхъ, чтобъ никогда не пожирало живыхъ крестьянъ, ни кораблей на лонѣ далекихъ морей...“ Точно такъ же и южные славяне, возжегши украшенный лентами, свѣчами и лаврами, одаренный лепешками, медомъ и виномъ баднякъ, кричатъ: „Да здравствуетъ баднякъ-веселякъ! Мы тебѣ вина и хлѣба, а ты намъ здоровья, мира, сыновей, плодовъ и всякаго счастья!“

5. Распространившаяся по Европѣ въ средніе вѣка идея возстановленія, съ рожденіемъ Хр. Спасителя, рая на землѣ возбудила тамъ въ одно время споры: что нужно разумѣть подъ райскимъ деревомъ? Въ концѣ концовъ такимъ деревомъ признали елку. И съ тѣхъ поръ елка, въ томъ или иномъ видѣ, стала принадлежностью рождественскихъ вечеровъ, какъ символъ райскаго (крестнаго) чудеснаго дерева (въ Англіи, Чехіи, Германіи, Швеціи и Норвегіи).

6. Идея возстановленія о Рождествѣ рая на землѣ сопровождалась у нѣкоторыхъ народовъ (чехи, нѣмцы, норвежцы) другими, побочными идеями-повѣрьями, что въ канунъ Рождества отверзались небеса и оттуда виднѣлись зеленые луга рая, гдѣ цвѣли всевозможные цвѣты и зрѣли на деревьяхъ плоды, и что даже на самой землѣ въ рожд. ночь расцвѣтали розы, яблони и другія деревья. Отсюда появился обычай украшать канунъ Рождества и другіе святочные дни зеленью (остролистникъ, омела, розмаринъ, ель); отсюда стали носить по домамъ (напр. въ Норвегіи) въ рождественскіе вечера хвойное деревцо, украшенное

лентами и горящими свѣчами; отсюда же стали убирать елочку яблоками, цвѣтами, пряниками, орѣхами и, зажегши на ней свѣчи, устанавливали ее на столѣ—для усажденія дѣтей и взрослыхъ.

Такъ постепенно культурное человѣчество пришло къ обычаю рождественской елки. Мы видимъ отсюда, что елка, по своему смыслу и духовному содержанію—весьма сложное явленіе. Хотя корни у нея языческіе, но стволъ и вершина несомнѣнно христіанскіе. Если для естественнаго человѣка (не-христіанина) елка можетъ быть символомъ того счастья, которое сулитъ елку возрождающееся солнце и Новый Годъ, то для христіанина она является символомъ *духовнаго счастья*, духовной радости искупленнаго человѣка, —*райской вѣтвью мира и благоволенія Божія къ человечеству*, проявившихся въ рожденіи Спасителя. Естественный человѣкъ можетъ видѣть въ елкѣ, украшенной плодами, указаніе на богатство силъ природы, на будущій урожай плодовъ и хлѣба, на приплодъ скота и проч.; христіанинъ усматриваетъ въ ней образъ того *райскаго древа жизни*, съ его чудесными плодами, котораго мы нѣкогда лишились и которое возвращается намъ Рождествомъ.

Мы видимъ также, что елка, какъ святочный обычай, есть произведеніе *всей европейской*, главн. образ. христіанской *культуры*. Въ выработкѣ ея участвовали въ большей или меньшей степени почти всѣ главныя племена Европы: славянскія, англосаксонскія, германскія, гальскія. Во всей всемірной исторіи трудно указать другой подобный обычай, въ которомъ содѣлалось бы столько глубокаго смысла, красоты, благородства и радости для дѣтей. Это есть вершина, перлъ христіанской европейской культуры. Многое изъ того (въ кругѣ идей Рождества), что когда-то волновало и прельщало *взрослыхъ*, здѣсь собрано и представлено *дѣтямъ*. Это обычный ходъ исторіи: мифы, сказки, богатыри и карлики, вѣдьмы и колдуны,

Я грѣшила въ жизни очень много,
И еще навѣрно согрѣшу,
Но ты знаешь, для себя у Бога
Ничего теперь я не прошу.

Я хочу, чтобъ только ты былъ счастливъ,
Чтобы Богъ хранилъ тебя отъ слезъ;
Чтобъ тебѣ сейчасъ изъ желтыхъ яслей
Улыбнулся бѣленькій Христосъ.

Зинаида Шишова.

Праздникъ снѣговъ.

Семнадцать лѣтъ глазамъ и голосу.
Помилуйте—вѣдь праздникъ снѣговъ.
Это отъ инея сѣдые волосы,
А такъ еще хочется снѣгурокъ, коньковъ.

Небо усыяно золотыми орѣшками:
Развѣ могутъ быть невеселыя слова?
Развѣ можно быть нехорошими, грѣшными,
Когда ночь Рождества?

Еще счастливые отъ елки вчерашней
Встанутъ дѣти и—бѣгомъ на рѣку!
Надо увидѣть сады и башни
Въ морозномъ стеклѣ, чтобъ забыть тоску.

Семнадцать лѣтъ глазамъ и голосу.
Помилуйте—вѣдь праздникъ снѣговъ.
Это отъ инея сѣдые волосы,
А такъ еще хочется снѣгурокъ, коньковъ!

Петроній.

ствоваѣ въ болѣеѣ или менѣеѣ степени почти всѣ главныя племена Европы: славянскія, англосаксонскія германскія, гальскія. Во всей всемирной исторіи трудно указать другой подобный обычай, въ которомъ содѣталось бы столько глубокаго смысла, красоты, благородства и радости для дѣтей. Это есть вершина, перлъ христіанской европейской культуры. Многое изъ того (въ кругѣ идей Рождества), что когда-то волновало и прельщало *взрослыхъ*, здѣсь собрано и представлено *дѣтямъ*. Это обычный ходъ исторіи: мифы, сказки, богатыри и карлики, вѣдьмы и колдуны, добрые духи и черти, добрыя феи и бабы-яги, съ ростомъ культуры и съ расширеніемъ умственнаго горизонта, перестаютъ занимать взрослыхъ, но остаются неисчерпаемымъ источникомъ развлечения, и даже воспитанія, для дѣтей.

Е. Швидченко.

Сочельникъ.

Странно, милый, видишь лампа тухнетъ,
Сталъ синѣе папиросный дымъ...
Не хватаетъ только, чтобъ изъ кухни
Пахло чѣмъ-то вкуснымъ и простымъ...

Не хватаетъ, знаешь-ли, узвара,
Елки, и игрушекъ, и кутьи...
Для меня сейчасъ, какъ Божья кара
Эти губы узкія твои.

Бросить книгу? Хорошо, я брошу,
Ты не хочешь полюбить стихи,
Ты—красивый, злой и нехорошій,
Ты мнѣ посланъ за мои грѣхи...

Встанутъ дѣти и—бѣгомъ на рѣку!
Надо увидѣть сады и башни
Въ морозномъ стеклѣ, чтобъ забыть тоску.
Семнадцать лѣтъ глазамъ и голосу.
Помилуйте—вѣдь праздникъ снѣговъ.
Это отъ инея сѣдые волосы,
А такъ еще хочется снѣгурокъ, коньковъ!

Петроній.

Маски и жертвы.

Писатель.

Слова—этикетки. Похожи на маски, одѣтыя на голыя черепа. И всѣ дома, комнаты и головы набиты ими, точно сѣрой ватой.

Они всюду. То уродливыя, то красивыя, но всегда обманныя. Есть важныя и старыя, которыя произносятся со строгими лицами.

Есть слова для мужчинъ и женщинъ. Специальная коллекція для дѣтей и для старухъ, для воровъ и для судей, деспотовъ и рабовъ, священниковъ и солдатъ, для убійцъ, для монаховъ, для проститутокъ.

Есть слова—убійцы.

Но всего болѣе иныхъ, уютныхъ, разношерстныхъ, какъ старыя теплыя туфли, привычныхъ. Ихъ говорятъ всѣ, говорятъ ежедневно, пишутся на пепельницахъ, на ножахъ для книгъ, на сотняхъ бездѣлушекъ; въ вѣкъ рыцарства писались на мечяхъ и кинжалахъ, въ вѣкъ галантности—даже на вѣерахъ и подвязкахъ. Слова для причесанныхъ взрослыхъ и для анемичныхъ дѣтей, которыя хорошо помнятъ день рожденія своихъ родителей.

Война и революція фабриковали не только человѣческіе трупы, — они умертвили сотни тысячъ пышныхъ и благонамѣренныхъ словъ. Въ этомъ — несомнѣнная заслуга, но это отвлеченіе.

Къ числу послѣднихъ — помянутыхъ словъ принадлежатъ старенькія и ситцевыя о писателѣ:

— Служитель добра, красоты и истины.

— Мощный трибунъ, вѣщатель свѣта. Будящій и зовущій искатель.

Я думаю, что эти надписи цѣликомъ родились изъ литературы некрологовъ (неотвергнутый способъ послѣдняго надругательства). Это невѣрно. Я убѣжденъ, что истинный писатель — художникъ, творя свое произведеніе, никогда не чувствуетъ себя ни членомъ о-ва спасанія на водахъ, ни какой — либо иной филантропической организаціи, но творить, потому что это его вторая и главная жизнь, пожалуй, и единственная жизнь.

Предположимъ, что я создаю произведеніе искусства. Очень можетъ быть что кому — нибудь оно поможетъ лучшимъ образомъ чистить зеркала или одѣвать сапогъ на ногу съ мозолями; кого — то научить примириться съ вздорною женщиной, чье-то чувство жизни подтолкнетъ. Но я, творящій, никогда не буду имѣть въ виду ни зеркалъ, ни мозолей, ни иныхъ даже великихъ благъ.

Не медикъ, не служитель, не швейцаръ при царствіи небесномъ. Только — художникъ и все — художникъ.

Лихорадочно смотрю, лихорадочно выявляю мой міръ и мое я; отношеніе между міромъ и я хочу допѣть до послѣдней ноты. Вотъ и все.

Поможетъ чистить зеркала, принять угаренный видъ. Пусть. Но меня это не касается.

По мнѣнію Шеллинга — міръ, кровью и слезами спаянная пирамида, и создана она для того, чтобы на вершинѣ ея появился художникъ. Иными словами, — „божественно-покоящееся небо“ Данте; къ нему, восходя, приближаются девять небесныхъ круговъ и безъ

вѣчно-новой Коломбины, звонарь на башнѣ мечты, коллекціонеръ вымысловъ, міровъ, которые плывутъ передъ всевидящими глазами, — сегодня только у него, завтра для всѣхъ.

Счастье ли это? Добро ли это? Истина? Не думаю. Прежде всего ненормальность, и дѣйствительность всегда мститъ тому, кто перегналъ ее и перестроилъ.

Писатель, — въ меньшей мѣрѣ это относится къ художнику, вообще, — проклятъ и страшенъ. Проклятъ, потому что онъ всюду и нигдѣ, свой — на пляскѣ живота, какъ и на пляскѣ Смерти, безжалостно обокраденный для себя, во имя обогащенія другихъ, голодный среди имъ же насыщенныхъ, устало закрывающій глаза, когда тысячи глазъ открыты на розсыпи его сокровищъ.

Страшенъ, потому что я знаю его святымъ и блудникомъ, почти одновременно; распинающимъ и распятымъ, Саванаролой и Аретино, Св. Терезой и Мессалиной, златокудымъ ребенкомъ, на губахъ котораго смѣхъ и зловѣщимъ старикомъ, полупризракомъ, полудемономъ.

Читайте его, хмелѣйте имъ, какъ самымъ изумительнымъ виномъ, плавайте въ этомъ розовомъ океанѣ неожиданностей, устраивайте бѣшенно — пышные карнавалы съ фигурами и масками изъ его вчерашней безсонницы. Но я не посовѣтовалъ бы связать съ нимъ свою человѣческую любовь, желаніе, дѣло или жизнь.

Моряки дальнихъ плаваній очень плохо ходятъ по землѣ. Онъ тоже морякъ дальнихъ плаваній. Больше того, — его океаны безчисленны, онъ видѣлъ земли, надъ которыми пылали два солнца, видѣлъ острова, озаренные тремя лунами, и волны, вокругъ его кораблей, были и красными, и черными. Подоидете къ нему, будете искать его, ловить самой чистой сѣтью. Но онъ недвижный, каменный, невидящій. Только

великихъ олагъ.

Не медикъ, не служитель, не швейцаръ при царствіи небесномъ. Только—художникъ и все—художникъ.

Лихорадочно смотрю, лихорадочно выявляю мой міръ и мое я; отношеніе между міромъ и я хочу допѣть до послѣдней ноты. Вотъ и все.

Видъ. Пусть. Но меня это не касается.

По мнѣнію Шеллинга—міръ, кровью и слезами спаянная пирамида, и создана она для того, чтобы на вершинѣ ея появился художникъ. Иными словами,—„божественно-покоящееся небо“ Данте; къ нему, восходя, приближаютъ девять небесныхъ круговъ и безъ этого восхода на вершину, безъ мысли о ней, ни одна тварь не могла бы жить.

Искусство прежде всего—чудесная ложь. Богатѣйшій гардеробъ міру, Богу и челоѣку. Цвѣты узнали, что они благоухаютъ, а дѣвушка, что она прекрасна, только когда появился художникъ. Уайльдъ правъ, говоря что искусствомъ созданы туманы надъ Лондономъ; „они не существовали, пока искусство не избрѣло ихъ“. И я знаю—очень многое еще явится въ міръ, потому что искусство безсмертно.

Услужливый Эккерманъ находилъ, что если бы природа была создана не Творцомъ, а Вольфгангомъ Гете, то послѣдній создалъ бы ее такъ же хорошо и тоже *зеленаго цвѣта*. Но въ томъ то и дѣло, что художникъ можетъ создать ее и голубую, и коричневой, и фіолетовой и все таки она будетъ прекрасна.

Эта «чудесная ложь» — и голубая, и коричневая, — однако, не меньшая реальность, чѣмъ самоваръ, кипящій на столѣ, резиновыя подошвы «melior», или кучеръ, сидящій на козлахъ. Донъ—Рихоть или Фаустъ, Отелло или Дмитрій Карамазовъ существуютъ въ нашемъ мірѣ не менѣе прочно и достоверно, чѣмъ Францискъ Ассизскій, Іоаннъ Грозный или Самуиль Люрзе.

Писатель—это чудесный обманщикъ, вѣчный банкиръ нищихъ, диковинный личинникъ и маскарадникъ, кружевникъ образовъ, великій декораторъ міра, Пьеро

иже карнавалы съ фигурами и масками изъ его вчерашней безсонницы. Но я не посовѣтовалъ бы связать съ нимъ свою челоѣческую любовь, желаніе, дѣло или жизнь.

Моряки дальнихъ плаваній очень плохо ходятъ по землѣ. Онъ тоже морякъ дальнихъ плаваній. Больше того,—его океаны безчисленны, онъ видѣлъ земли, надъ которыми пылали два солнца, видѣлъ острова, озаренные тремя лунами, и волны, вокругъ его кораблей, были и красными, и черными. Подоидете къ нему, будете искать его, ловить самой чистой сѣтью. Но онъ недвижный, каменный, невидящій. Только пристань, отъ которой уплываютъ къ невѣдомымъ долямъ чудесные корабли. Не поймете. Будете кричать и звать,—напрасно. Тогда охватить ужась.

Онъ страшенъ.

Развѣ можно безнаказанно, безъ потери чего-то здѣшняго, челоѣческаго, сегодня плыть по воображенію просгитутки, отдающему дешевой помадой, завтра оправлять серебряный шелкъ мадоннаго престола; сегодня прочно расположиться въ юридической душѣ стараго судьи, владѣть его мыслью, какъ и его руками,—его *рукой* поздороваться со всѣми домашними и знакомыми; завтра—тихонько посвистывать съ убійцей, улыбаться наплывающимъ отвратительнымъ ругательствамъ. Вотъ, ошупью, вверхъ по лѣстницѣ.... На площадкѣ—желтое пятно керосиновой лампы, кошачья вонь. Отворилъ дверь. Изъ сосѣдней комнаты узкая полоса свѣта и шаги... Ножъ сбоку. Прочно сбоку. Прижалъ его, втянулся, не то прыгнешь, не то уничтожишься. И слышно, какъ сердце бьется...?

Утромъ гулялъ дѣвушкой Лизой въ полѣ, ало улыбался безконечно любимому, милому. Спросилъ, оправляя бантикъ на косѣ:

— Можно умереть за того, кого любишь? Вечеромъ, обрюзглою нимфой, обнажаемой на потѣху только въ тускломъ ночниковомъ свѣтѣ мѣщанской спальни, полѣзъ въ постель и втянулъ носомъ лампадно—одеколонный запахъ комнаты.

Ползь по дорожной пыли. Бѣшеный, скрюченный. Луна. Отъ одинокого дерева черный тѣновой дождь. Сейчасъ пройдетъ человекъ, который вчера переночевалъ въ комнатѣ любимой женщины. Видѣлъ, подслушалъ, рѣшилъ поохотиться.

Утромъ сидѣлъ тихимъ монашникомъ въ ладанной кеелейкѣ, вспоминалъ монастырскую старинку, напѣвно читалъ «Призывъ къ общему покоянію въ часъ грознаго суда Божія», ряску отряхнулъ, вышелъ. Солнышко—звонъ. Зажмурился, зѣвнулъ и широко перекрестился.

Вечеромъ полунагою вакханкою, пышною, розогрудую, упрямо набросился на податливое чистое тѣло. Почти вспрыгнула. Валтирно—вжалась колѣнями, пальцами, губами. И вдругъ, роняя, какъ завѣсу бѣлую ласку кружевъ, бѣлыя риемы, бѣлыя поэмы, осыпая серебряно—лунный смѣхъ, точно дерево трянули съ серебряными цвѣтами, сказала медленно и не глядя:

— Я никогда не видѣла, какъ течетъ кровь... Красная... По бѣлому.— Откуда это, какъ явилось? Тишина, и опять трянули дерево съ серебряными цвѣтами.

Развѣ можетъ пройти безслѣдно такое бродяжничество воображенія? Отражается переѣздъ съ одной квартиры на другую. А вѣдь это пустякъ, въ концѣ концовъ только перевозка мебели,—стѣны неизмѣнны. А переѣзды души, и постоянно?

Развѣ можетъ остаться безнаказаннымъ то, что ты сегодня умиралъ; къ потноватому лбу ощутилъ прикосновеніе савана; скользнувъ взглядомъ вдоль тѣла, увидѣлъ на своихъ ногахъ страшныя и прямыя базарныя туфли; то, что схватывалъ ножъ и ранилъ, и внимательно, послѣ мылъ окровавленные руки; монашествовалъ, проеитутировалъ, судилъ, кабакъ держалъ, принималъ ядъ и вѣшался, носилъ почтенный бархатъ и валялся на диванахъ въ кружевной и ароматной

страницѣ его послѣдней повѣсти. И вотъ, этотъ человекъ совершаетъ поступокъ и т. д.

Тихіе читатели, особенно читательницы изъ серии чувствительныхъ,—бумажные цвѣты въ вазахъ, маникюръ, вышитые салфеточки на спинкахъ креселъ,—съ ужасомъ пробѣгаютъ эти разоблаченія (конечно, и съ особымъ любопытствомъ), шепчутъ, прижимая къ груди бумажныя лиліи:

— Любимый писатель... Человекъ, который написалъ «Голубое молчаніе невѣсты».. Невѣроятно, ужасно. Убиваютъ вѣру, убиваютъ...

Ахъ, но кто пишетъ книги, тотъ почти никогда не умѣетъ писать собственную жизнь, вѣрнѣе, общую съ вами жизнь. Тутъ ему не до каллиграфіи. Не требуйте двойного произведенія искусства, это выше человеческихъ силъ!

Но есть и такіе, которые, читая «разоблаченія» и филиппики только улыбаются, грустно улыбаются. Они удивляются, что происходятъ только пустяки, только выходки. Матеріалъ есть и для худшаго, на примѣръ,—изнасилованіе, предательство, ножъ въ глотку, отравленіе и т. д.

Одинъ уголокъ казни, одно движеніе пилы по живому тѣлу раскрыть не такъ трудно.

Искусство свободно. Это ясно, это не моложе цезаревой фразы «и ты Брутъ». Художникъ беретъ нашъ міръ, черновой міръ и передѣлываетъ его по своему, тутъ добавить, тамъ обрѣзать. Эту старую рукопись на чисто переписываетъ съ поправками. Хочетъ—одна луна; хочетъ—три луны. Святые или блудники. Бѣлолицые или краснокожіе. Карнавалъ или Месса. Но тутъ то и начинается «трагическое», «свободное искусство» попадаетъ перѣдко въ тупикъ.

Въ душѣ художника—театръ и самый трагическій. Сначала совсѣмъ свободно поднимаетъ онъ занавѣсъ и смотритъ, и слушаешь, какъ на сценѣ, имъ обставленной, людьми, которыхъ онъ самъ сотворилъ,

концовъ только перевозка мебели,—стѣны неизмѣнны. А переѣзды души, и постоянно?

Развѣ можетъ остаться безнаказаннымъ то, что ты сегодня умиралъ; къ потноватому лбу ощутилъ прикосновеніе савана; скользнуть взглядомъ вдоль тѣла, увидѣлъ на своихъ ногахъ страшныя и прямыя базарныя туфли; то, что схватывалъ ножъ и ранилъ, и внимательно, послѣ мылъ окровавленные руки; мо-нашествовалъ, проеититуировалъ, судилъ, кабакъ держалъ, принималъ ядъ и вѣшался, носилъ почтенный бархатъ и валялся на диванахъ въ кружевной и ароматной прозрачности, нагой отдавался лобзаніямъ, со-держалъ карточный притонъ, былъ воромъ, губерна-торомъ, извозчикомъ, королемъ, туркомъ, финномъ, собакой Гектаромъ, матросомъ и кафешантанной Фри-ною на содержаніи у толстаго рыборотковца?

Нѣтъ. Точный счетъ своевременно предъявляется. Казнь приходитъ. Исключительно страшная казнь. Та реальная, которую познали Ницше, Гоголь, Успен-скій, Гаршинъ много легче той, которая оставалась и остается внѣшне невидимой.

О ней молчать. Не только потому что на этой дорогѣ умираетъ искренность, но и потому что пере-дать эту казнь, раскрыть, нарисовать—трудно даже первоклассному мастеру.

На это хватило бы искренности Руссо, но онъ принадлежалъ къ болѣе здоровому времени, чѣмъ ду-малъ самъ. На это хватило бы словъ Розанова, но онъ болѣе философъ, чѣмъ банкиръ образовъ и красокъ.

Молчать. Пожалуй, такъ и лучше. Тихіе, кратко-вые люди съ матовымъ языкомъ, люди, попавшіе въ литературу такъ, какъ попадаютъ въ больницу—сана-торій, или на дожитіе въ странно—пріимный домъ, время отъ времени пишутъ, ударяя въ барабаны скор-би и негодованія:

— Исторія писателя Н. заставила насъ содро-гнуться. Кто не помнитъ глубоко нѣжныхъ и чуткихъ

нашъ міръ, черновой міръ и передѣлываетъ его по своему, тутъ добавитъ, тамъ обрѣжетъ. Эту старую рукопись на чисто переписываетъ съ поправками. Хо-четъ—одна луна; хочетъ—три луны. Святые или блудники. Бѣлолицыя или краснокожіе. Карнавалъ или Месса. Но тутъ то и начинается трещинка, и „свободное искусство“ попадетъ нерѣдко въ тупикъ.

Въ душѣ художника—театръ и самый трагиче-скій. Сначала совсѣмъ свободно поднимаетъ онъ за-навѣсъ и смотритъ, и слушаетъ, какъ на сценѣ, имъ обставленной, людьми, которыхъ онъ самъ сотворилъ, говорятъ его слова, проходятъ его коллизіи.

Но вотъ, однажды, поднимается занавѣсъ и ху-дожникъ слѣдитъ блѣдный, съ широко раскрытыми глазами. Кто поставилъ эту странную мебель.—Онъ думалъ о другой! Какъ попала сюда эта женщина съ тяжелыми черными волосами?—Онъ рисовалъ изящ-ную блондинку. Откуда эта ужасная сцена?—Онъ намѣтилъ другое дѣйствіе, *даже другія слова*.

Весело понесшій на плечахъ свою химеру, ока-зался въ ея власти. Ведущій превратился въ ведомого. Кто-то другой сталъ декораторомъ, авторомъ, режис-серомъ и уже со страхомъ и подчиненно слѣдитъ художникъ за растущей и развивающейся въ его ду-шѣ мистеріей.

Онъ къ ней прикованъ. Съ нею. Не оторваться. Таперь онъ страшенъ не только для другихъ.

Юноша въ „Сафо“ Альфонса Додэ поднимается по лѣстницѣ съ своей женщиной,—несетъ ее:

Первый этажъ онъ взялъ въ нѣсколько прыжковъ, однимъ духомъ, глубоко счастливымъ ощущеніемъ двухъ обнаженныхъ женскихъ рукъ, обвившихъ его шею. Второй этажъ онъ одолѣлъ медленно, не испытывая уже никакого удовольствія: она становилась все тяже-лѣе; онъ чувствовалъ, какъ желѣзо ея крючковъ впи-вается ему въ тѣло. При подъемѣ на третій этажъ, онъ стоналъ... Но послѣднія ступени были ужаснѣе всего,—получалась *страшная безконечная спираль*.

Онъ несъ уже не женщину, а нѣчто ужасное, душившее его, что ему хотѣлось съ гнѣвомъ сбросить съ себя...

Но сбросить уже нельзя. — Не оторваться. Такъ, уже на третьемъ этажѣ начинается казнь.

Александръ Станкевичъ.

З А Б В Е Н І Е.

Э Р Е Д І А.

Высокій мысъ. На немъ античныя руины.
И смертью смѣшаны подъ бурою землею
Богини мраморны и бронзовый Герой.
Сокрыта слава ихъ глухой травой и глиной.

Порой лишь занесетъ сюда напѣвъ старинный
Пастухъ, ведя въ жару воловъ на водопой,
И раковины вздохъ съ морскою синевою
Сольетъ и въ небесахъ застынетъ тѣнью длинной.

Съ участіемъ матери Земля Боговъ велить,
Чтобъ каждую весной на ветхой капители
Другіе въ трещинахъ аканты зеленѣли.

Но прадѣдовъ кумирь людьми давно забытъ.
Безъ дрожи слушаютъ, какъ о своихъ Сиренахъ
Морская грудь скорбитъ въ рыданьяхъ неизмѣнныхъ.

П. Шандаровскій.

Мои сумасшедшіе.

О Ч Е Р К И.

О Ч Е Р К Ъ Ч Е Т В Е Р Т Ы Й.

Докторъ, въ послѣдній разъ я говорю вамъ: вы

Разрушенъ древній храмъ на мысъ, надъ скалою.
Перемѣшала Смерть въ сухомъ пескѣ пустынь
Героевъ бронзовыхъ и мраморныхъ Богинь,
опутавъ саваномъ, — пустынною травой.

Лишь волопасъ, быковъ ведущій къ водопою,
наполнивъ тишь небесъ и океана синь,
свирѣлю, гдѣ дрожитъ напѣвовъ древнихъ мглынь,
въ лазури вычерченъ отчетливой чертою.

Земля какъ мать нѣжна къ забытымъ божествамъ
и каждую весной, напрасно плодovитой,
цвѣтетъ иной акантъ на капители сбитой.

Но человѣкъ, — онъ глухъ къ прадѣдовскимъ мечтамъ:
безъ дрожи внемлетъ онъ въ ночахъ прозрачныхъ,
какъ плачетъ Океанъ, тоскуя о Сиренахъ.

Георгій Шенгели.

А мои сумасшедшіе напоминаютъ: будетъ зеленъ
зацвѣтутъ луга и рожь зазолотится.

Да, ихъ зовутъ безумцами. Да, и смѣются надъ
ними. Но и плачутъ надъ ними. А когда народъ пла-
четъ надъ своими сумасшедшими — онъ каждой слезой
своей уничтожаетъ одно звено своихъ кандаловъ.

А вы хотите убрать сумасшедшихъ!

Мои сумасшедшіе.

ОЧЕРКИ.

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Докторъ, въ послѣдній разъ я говорю вамъ: вы держите взáперти самыхъ умныхъ и чуткихъ людей, вы заперли у себя въ четырехъ стѣнахъ человѣческую живую совѣсть. Раскройте двери, выпустите этихъ людей, они нужны жизни, міру, они и суть тѣ дрожжи, на которыхъ взойдетъ новое, прекрасное человечество.

Представьте себѣ, что завтра изъ всѣхъ мѣстечекъ и городковъ заберутъ всѣхъ сумасшедшихъ и запрутъ, какъ заперли насъ,—что тогда будетъ со всѣми евреями?

О, тогда конецъ тихимъ мѣстечкамъ, тогда гибель и смерть народу! Вѣдь онъ отдыхаетъ, глядя на своихъ сумасшедшихъ, и снова вѣрится въ свѣтлые грядущіе дни, когда его сумасшедшіе выходятъ на площади, восклицая на весь міръ:

— Жива душа! Жива!

Тогда окружающіе всматриваются въ ихъ глаза и видятъ, какъ въ этихъ глазахъ одна за другой разворачиваются страницы драгоценной книги духа человеческого.

Но если вы уведете моихъ сумасшедшихъ—вы этимъ уничтожите всѣ страницы. Останется только переплеть. Но развѣ онъ нуженъ?

У насъ было не мало красивыхъ переплетовъ—и что же? Есть цвѣты въ мѣстечкахъ, работаютъ въ поляхъ наши юноши и дѣвушки, зазвучали бодрья пѣсни?

А мои сумасшедшіе напоминаютъ: будетъ зелень зацвѣтутъ луга и рожь зазолотится.

Да, ихъ зовутъ безумцами. Да, и смѣются надъ ними. Но и плачутъ надъ ними. А когда народъ плачетъ надъ своими сумасшедшими—онъ каждой слезой своей уничтожаетъ одно звено своихъ кандаловъ.

А вы хотите убрать сумасшедшихъ!

Да, и зовутъ ихъ безумцами. Но и радостно улыбаются имъ, а когда народъ улыбается своимъ безумцамъ—онъ каждой улыбкой своей рветъ цѣпь за цѣпью, а вѣдь въ каждой цѣпи тысячи звеньевъ.

И когда звенья рассыпаются—въ небѣ ангелы вписываютъ въ книги такъ:

— На сумасшедшаго такого-то изъ города такого-то 25 звеньевъ, на такого-то 100...

Въ поляхъ рожь колосится—золотыя палочки, которыя Богъ по землѣ разбрасываетъ, когда Ему весело—синѣютъ васильки, а въ мѣстечкахъ и городкахъ однѣ только вывѣски и одна только пыль. И стоитъ она столбомъ, и люди бродятъ въ пыли и перестаютъ вѣрить, что гдѣ-то качаются зеленые вѣтки и шумитъ прозрачная вода и потому, засыпая, видятъ тяжелыя сны и потому, пробуждаясь, лѣниво и привычно молятся Богу.

Но приходитъ мой сумасшедшій, рветъ свои одежды, руки свои поднимаетъ къ небу, а глазами, свѣтлыми, безумными глазами твердитъ каждому, гдѣ правда настоящая, гдѣ вѣра истинная и гдѣ молитва жаркая—и тогда люди безпокойно мечутся, не находя себѣ мѣста, объятые страннымъ томленіемъ, непонятной тоской, но это святая тоска: она жжетъ, она толкаетъ, она требуетъ, она борется.

Но кто пронесъ ее, кто швырнулъ ее въ темныя окна, въ кривые переулки, словно горсть острыхъ иглъ?—онъ, онъ, мой сумасшедшій!

И, швырнувъ, онъ идетъ дальше и всюду, какъ пахарь Божій, сѣетъ великую тоску.

За нимъ бѣгутъ дѣти, швыряютъ въ него грязью, женщины запираютъ передъ нимъ двери и дрожатъ надъ своими горшками, но онъ въ пути, и никто, никто не можетъ и не въ силахъ остановить его.

Однажды подъ вечеръ одна дѣвушка открыла дверь свою и впустила сумасшедшаго; теплой водой обмыла ноги его, своими длинными волосами обсушила ихъ—и ночью ушла съ нимъ.

Весной я встрѣтилъ ее на большой дорогѣ. Потомъ она ходила по базару, босая, полунагая, и пѣла о томъ, что гдѣ-то далеко за морями есть голубая страна съ синими рѣками. Надъ нею издѣвались, плевали на ея босыя ноги, а вечеромъ—вечеромъ у себя въ тѣсныхъ и душныхъ домикахъ плакали, вспоминая:

— Синія рѣки... Голубыя горы... Господи! Господи!

И въ небѣ ангелы вписывали въ книги:

— На дѣвушку 20 звеньевъ... На дѣвушку 40 звеньевъ...

Я почему-то не побоялся и подошелъ къ этой дѣвушкѣ:

— Какъ тебя зовутъ?

Она вплотную подошла ко мнѣ и шопотомъ спросила:

— Ты здоровый или сумасшедшій?

Она ждала отвѣта, но я не зналъ, что отвѣтить ей, и только глядѣлъ въ ея глаза, глядѣлъ и не могъ оторваться, и чѣмъ дальше и глубже я смотрѣлъ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось узнать ея имя, и я, запинаясь, отвѣтилъ ей:

— Да, я сумасшедшій.

И тотчасъ же съ глазъ моихъ упала пелена: я понялъ, какъ ее зовутъ, понялъ, что такъ жить, какъ я жилъ до сихъ поръ, нельзя, и, схвативъ ее за руку, я сказалъ.

— Идемъ!

И шли мы отъ мѣстечка къ мѣстечку, и всюду мы находили новыхъ сумасшедшихъ, собиравшихся на площадяхъ, во дворахъ, синагогахъ, на базарахъ; стучали въ темныя окна, раскрывали ветхія двери—и звали людей.

Но ночь была беззвѣздная, темная, и люди боялись выйти изъ своихъ домовъ. Тогда Хаимъ Зиссеръ, сумасшедшій изъ городка Вицяны, сказалъ мнѣ:

— Надо зажечь костеръ, станетъ свѣтло, и люди придутъ къ намъ.

А дѣвушка добавила:

— И зашумятъ синія рѣки.

— Да, да.—радостно засмѣялся Хаимъ Зиссеръ.

Но спичекъ у насъ не было, а лавки давно закрылись. И всѣ мы заплакали отъ огорченія.

— Не плачьте, сказалъ Хаимъ Зиссеръ,—Я знаю, чѣмъ зажечь костеръ. Не плачьте, дурачки.—и онъ куда-то ушелъ.

Мы столпились на краю дороги: насъ было шесть человѣкъ.

— Не плачьте, дурачки,—сказалъ Хаимъ Зиссеръ, и мы перестали плакать: присѣли у дороги и ждали. И вдругъ на холмѣ, за мельницей, вспыхнулъ огонь, но такой яркій и сильный, что мы всѣ невольно зажмурились, а когда открыли глаза—небо было свѣтлымъ и яснымъ, какъ въ полдень.

Мы побѣжали къ холму и тамъ, у подножья, нашли Хаима Зиссера: онъ умиралъ и, умирая, говорилъ намъ, смѣясь:

— Вотъ видите, дурачки, какой огонь!

И три дня и три ночи пылалъ костеръ, и три дня и три ночи не было пыли, а на четвертый день

Она вплотную подошла ко мнѣ и шопотомъ спросила:

— Ты здоровый или сумасшедшій?

Она ждала отвѣта, но я не зналъ, что отвѣтить ей, и только глядѣлъ въ ея глаза, глядѣлъ и не могъ оторваться, и чѣмъ дальше и глубже я смотрѣлъ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось узнать ея имя, и я, запинаясь, отвѣтилъ ей:

— Да, я сумасшедшій.

Коктебель.

Какъ въ раковинѣ малой—Океана
Великое дыханіе гудитъ,
Какъ плоть ея мерцаетъ и горитъ
Отливами и серебромъ тумана,
А выгибы ея повторены
Въ движеніяхъ и въ завиткѣ волны,—
Такъ вся душа моя въ твоихъ заливахъ,
О, Киммеріи темная страна,
Заключена и преображена.

Съ тѣхъ поръ, какъ отрокомъ у молчаливыхъ
Торжественно-пустынныхъ береговъ
Проснулся я—душа моя разъялась,
И мысль росла, лѣпилась и ваялась
По складкамъ горъ, по выгибамъ холмовъ.

Огнь древнихъ нѣдръ и дождевая влага
Двойнымъ рѣзцомъ творили обликъ твой,—
И сихъ холмовъ однообразный строй
И напряженный паеосъ Карадага,
Сосредоточенность и тѣснота
Зубчатыхъ скалъ, а рядомъ широта
Степныхъ равнинъ и мрѣющія дали—
Стиху разбѣгъ, а мысли мѣру дали.

но такой яркій и сильный, что мы всѣ невольно зажмурились, а когда открыли глаза—небо было свѣтлымъ и яснымъ, какъ въ полдень.

Мы побѣжали къ холму и тамъ, у подножья, нашли Хаима Зиссера: онъ умиралъ и, умирая, говорилъ намъ, смѣясь:

— Вотъ видите, дурачки, какой огонь!

И три дня и три ночи пылалъ костеръ, и три дня и три ночи не было пыли, а на четвертый день

Моей мечтой съ тѣхъ поръ напоены
Предгорій героическіе сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынъ хмѣльна моей тоской,
Мой стихъ поетъ въ строфахъ его прилива,
И на скалѣ, замкнувшей зыбь залива,
Самой судьбой изсѣченъ профиль мой.

Максимиліанъ Волошинъ.

6 іюня 1918 г.

Киммерійскія Афины.

I.

Въ бронзовыхъ смуглыхъ горахъ, которыми
разбѣжался по направленію къ Θεοδοσίи Крымскій
хребетъ, распласталась горсточка бѣлыхъ дачъ:
Коктебель.

„Киммеріанъ печальная область“: сожженные,
всѣ въ щебнѣ и вывѣтренныхъ сланцахъ долины,
костистые пики и цирки сѣверныхъ возвышенно-
стей, изгрызанный вулканическій массивъ Кара-
дага, лѣсистый глобусъ Святой Горы и напряжен-

меня схватили и увезли. И тотъ, кто первый подошелъ ко мнѣ, сказалъ:

— Дуракъ, твой Хаимъ умеръ отъ истощенія.

А другой добавилъ:

— Вы сожгли лѣсъ господина Блюма. Убытку на 3000 рублей, а лѣсъ не застрахованъ— и ударилъ меня кулакомъ.

Меня увели отъ моихъ сумасшедшихъ, сказали мнѣ, что я слѣпой, что я бѣденъ умомъ, что руки мои дрожать.

Это ложь! Я повторяю громко: ложь, ложь, трижды ложь!

Люди не любятъ, когда нарушаютъ ихъ покой, лавочники не любятъ, когда надъ ихъ вывѣсками пылаетъ огонь, уничтожая буквы.

Но мы будемъ тревожить, мы будемъ кричать, ибо, докторъ, я собственными глазами видѣлъ, какъ отъ радостнаго огня умиралъ Хаимъ Зиссеръ. И я помогаль огню. Когда огонь утихалъ—я перебрасывалъ искры на другой конецъ, не щадя своихъ рукъ и, перебрасывая, кричалъ умирающему Хаиму:

— Дурачекъ, дурачекъ, я стараюсь, я стараюсь. Я видѣлъ, слышите! Я старался! Я видѣлъ, какъ пылаетъ костеръ, и этотъ огонь—былъ моимъ огнемъ: я старался.

И знаю: въ небѣ ангелы бѣлоснѣжнымъ перомъ вписываютъ въ книги на мое имя сто тысячъ расколотыхъ звеньевъ.

Вотъ вамъ расписка. Ловите!

Андрей Соболевъ.

Кіевъ, 11 Января 1919 г.

Газелла.

Прихожу къ тебѣ я снова, пустыня.

Льну къ душѣ твоей, суровой, пустыня.

Я не буду какъ святые спасаться,

Но служить тебѣ готова, пустыня.

Уберу твою безбрежность цвѣтами,

Подвяжу твой кустъ терновый, пустыня.

Я къ землѣ приникла ухомъ и плачу.

Моего не слышитъ зова пустыня.

Дай мнѣ жить въ тебѣ блаженно-незрячей

Ради имени Христова, пустыня.

Аделаида Герцыкъ.

Въ туманѣ ночи.

Разъѣздъ у театра кончился, но я еще стоялъ у колонны и чего-то ждалъ. Свѣтъ фонарей расплывался въ туманѣ, матовый блескъ тротуаровъ лоснился и гигантскими свѣтляками пробѣгали трамваи.

— Буду шлепать домой. Противно.

Звонкія плиты какъ-то безпокойно воспроизводятъ неровные шаги: то тянущіеся, скользящіе, точно змѣинные кольца свиваются, то безпорядочно-быстрые и сбивчивые. Витрины магазиновъ потемнѣвшія и придушенные отливали холодомъ.

Съ правой стороны зачернѣлась тонкая мужская фигура въ широкомъ деми.

Вдругъ пронзительный крикъ изъ переулка рвануль воздухъ, всколыхнулъ туманъ, казалось, что

вписываютъ въ книги на мое имя сто тысячъ расколотыхъ звеньевъ.

Вотъ вамъ расписка. Ловите!

Андрей Соболевъ.

Кіевъ, 11 Января 1919 г.

ный гигантскій трехгранникъ Сюрюю съ юга,—точно клочекъ лунной поверхности, упавшій на землю. Геометрія и зной. И вѣтры съ сѣверо-востока, изъ Средней Азіи, изъ Туранскихъ пустынь.

Если пейзажъ Малороссіи—идиллія, и эклога—пейзажъ средней, дворянской, Россіи, то Коктебельскіе излоги и лукоморья—героическая поэма.

Тысячелѣтнее бореніе космическихъ силъ здѣсь вылилось наружу, оцѣпенѣло въ напряженномъ равновѣсѣ. И припасть къ разверстымъ нѣдрамъ трагической земли такъ же отрадно, какъ омыться гекзаметрами Гомера и сгорѣть вмѣстѣ съ градомъ копъеносца Пріама.

И Коктебель, какъ магнитныя горы аравійскихъ преданій, влечетъ къ себѣ художниковъ: мрамора, кисти, слова. Въ изломахъ окрестныхъ хребтовъ покоятся профили: Жуковскаго, Пушкина, Сѣверянина, Волошина, Гомера, Шиллера.

И сами улицы поселка окрещены: „улица Тургенева“, „улица Чехова“. И бѣлые домики принадлежатъ: Григорію Петрову, Максиму Горькому, поэтессѣ Аллегро—П. С. Соловьевой, сестрѣ Владимира Соловьева, Максимиліану Волошину. И каждое лѣто полны эти домики: Алексѣй Толстой, Мандельштамъ, Ходасевичъ, Городецкій, Шервашидзе, Богаевскій, Евреиновъ, Шаляпинъ,

гигантскими свѣтляками проовгали трамвай.

— Буду шлепать домой. Противно.

Звонкія плиты какъ-то безпокойно воспроизводятъ неровные шаги: то тянущіеся, скользящіе, точно змѣйные кольца свиваются, то безпорядочно-быстрые и сбивчивые. Витрины магазиновъ потемнѣвшія и придушенные отливали холодомъ.

Съ правой стороны зачернѣлась тонкая мужская фигура въ широкомъ деми.

Вдругъ пронзительный крикъ изъ переулка рѣзнулъ воздухъ, всколыхнулъ туманъ, казалось, что

Гиппиусъ, Герцыкъ, Гумилевъ, Парнокъ,—всѣ побывали тутъ.

Коктебель—республика. Со своими правами, обычаями и костюмами, съ полной свободой, покоящейся на „естественномъ правѣ“, со своими патриціями,—художниками, и плебеями,—„нормальными дачниками“.

И признанный архонтъ этой республики—Максимиліанъ Волошинъ. Хорошо въ его скромномъ дворцѣ. Вы поднимаетесь по легкой деревянной лѣстницѣ, гдѣ васъ дружелюбно облаиваетъ лохматый Аладинъ и входите въ башню—„мастерскую“. Хоры вокругъ стѣнъ, многоэтажная бібліотека, пестрыя драпировки вперемежку съ акварелями и японскими эстампами, въ глубокой нишѣ—„каютѣ“, гипсовая голова царевны Таіахъ, на многочисленныхъ полкахъ кисти и краски, куски базальта и фантастическія корневища, выбрасываемыя моремъ. Никого.

— Сюда,—раздается сверху голосъ. Преодолеваете внутреннюю лѣстницу и входите въ кабинетъ. Гипсовые Пушкинъ и Гоголь, маски Гомера, Петра, Достоевскаго, Толстого. Химеры съ Нотр-Дамъ. И вновь книги. Съ уютной софы (ихъ множество) подымается невысокій грузный человѣкъ. Темнорыжіе посѣдѣлые волосы, сдержанные ремеш-

отъ внезапной первой дрожи замигали фонари. Бросился туда — женщина въ корчахъ, съ ножомъ въ животъ, изъ котораго червяками ползли внутренности на мостовую, чешуйчатую мостовую, грязную и живуче-неподвижную.

— Конечъ! . . . Дѣлать нечего. . .

Онъ обернулся, тотъ въ деми.

— Если бы и не конечъ . . . Дѣлать не надо. . .

Затопали нервно. Свистокъ заливается. Спасеніе? Къ черту, други мои, къ самому черту!

Идемъ молча. На перекресткѣ расходимся. Но пройди нѣсколько шаговъ я останавливаюсь, потомъ бѣгу за нимъ.

— Пойдите! Видите-ли... Съ этой картиной... у насъ что-то общее. Ко мнѣ... Прошу... Коньякъ и прочіе.

Обрывчатые слова вязли въ воздухѣ, пропадали въ туманѣ. Засунувъ руки въ карманы, онъ, высокій, слушалъ. И заторопился:

— Къ вамъ? . . . Сейчасъ. . . Хорошо . . . Но коньякъ — не надо.

На третьемъ этажѣ, съ окнами на улицу, суетливую и безмысленную, въ комнату съ мягкими диванами и гравюрами Гойи вошли.

— У васъ Гойя? Рѣдкость!

И на диванахъ низкихъ мы сидѣли чужіе.

— Я люблю эту погоду. Да, эту съ расплывчатыми огнями, со скользкой мостовой. Въ эти ночи всегда случаются въ переулкахъ убійства. Какъ сейчасъ. И ножъ повернуть въ рапѣ. Внутренности на землѣ дымящіяся, переваривающія пищу. А на лицѣ страхъ, ужасъ надвинувшейся смерти. — И оборвалъ рѣзко — Вздоръ!

Лампа оттъенная густымъ синевато-фіолетовымъ абажуромъ ложила странные мазки на сухое и подвижное лицо. Заплясали брови, дернулись губы, усмѣшкой чуть тронутый.

— У меня вчера другъ умеръ. . . Газета вотъ.

Выпала изъ кармана вчетверо сложенная газета съ крупными наглыми объявленіями и мелкими припущенными, просящими труда: „переписчица ищетъ работы“, „мол. ин. дама согласна на выѣздъ“.

Деревяннымъ голосомъ прочиталъ:

— Отдѣлъ происшествій. Сегодня въ 4 участкѣ, въ домѣ стариннаго костела № 146 при загадочныхъ обстоятельствахъ убитъ извѣстный декадентскій поэтъ Х.

Нервно у кресла бахрому оторвалъ.

— Слыхали?

— Да.

— При весьма загадочныхъ обстоятельствахъ. Если хотите — могу рассказать. Вотъ, сударь мой, — разгорячился онъ и вскочилъ — сейчасъ здѣсь у васъ, чужого, скажу о его смерти, смерти моего друга, моего самаго близкаго друга, даже, сударь мой, — голосъ сталъ жесткимъ и рѣзкимъ — даже моего любовника.

— Ересъ, проронилъ я.

— Ересъ, — подхватилъ онъ. — Да, вздоръ, сущій вздоръ, сударь мой. . . — Хриплымъ и какимъ-то не своимъ голосомъ прошепталъ: — Коньякъ. . . Говорили коньякъ. . . Тамъ на улицѣ. . .

— Да. Сейчасъ.

Золотистая влага, мягко обволакивающая ротъ, скользкій языкъ сжимающая обручами, проскальзывала чрезъ глотку, сладострастно ощущающую. И поднималось что-то теплое, поднималось сильное къ мозгу, который напрягался и отъ этого напряженія (мысленнаго напряженія) глаза становились хлесткими и огромными.

Онъ наклонился ко мнѣ и длинные пальцы на длинныхъ рукахъ шевелились.

— Вы. . . вы. . . слушайте. . . У него тѣло гибкое и стройное, глаза строги и лучисты, лицо его —

чатыми огнями, со скользкой мостовой. Въ эти ночи всегда случаются въ переулкахъ убійства. Какъ сейчасъ. И ножъ повернуть въ ранѣ. Внутренности на землѣ дымящіяся, переваривающія пищу. А на лицѣ страхъ, ужасъ надвинувшейся смерти.—И оборвать рѣзко—Вздоръ!

Лампа отбѣненная густымъ синевато-фіолетовымъ абажуромъ ложила странные мазки на сухое и подвижное лицо. Заплясали брови, дернулись губы, усмѣшкой чуть тронутыя.

комъ, синій античный хитонъ, сандалии. Внимательные сѣрые глаза. Изъ подъ подрѣзанныхъ усовъ—нѣжный женскій ротъ: Волошинъ.

Начинается бесѣда. Внимательно выслушивая партнера, принимая всѣ его положенія, Волошинъ незначительными поправками доводитъ его до согласія съ собой. И тогда—изумительный гейзеръ знаній, своеобразнѣйшія сопоставленія и сближенія; вырастаетъ стройная система воззрѣній на міръ, на человѣка, на искусство. Потомъ становится парадоксальной. И вы теряете отчетливое представление: серьезно ли говорятъ съ вами? Изъ подъ непроницаемой брони логики сквозитъ все время легкая усмѣшка. Защищая магизмъ, оккультныя манипуляціи, Волошинъ обращается къ потустороннимъ силамъ, когда то пытавшимся такъ или иначе вторгнуться въ его жизнь, съ увѣщаніемъ:

— Пожалуйста, безъ чудесъ. Въ обществѣ надо себя вести прилично.

И та же въ глазахъ колыхнется усмѣшка.

Онъ читаетъ стихи. Читаетъ превосходно. И чужіе стихи читаетъ лучше своихъ. И пламенно восторгается ими. Чтеніе перемежается разсказами о поэтахъ. Серьезными и шутивными.

— Присылаетъ мнѣ И. Э—ргъ книгу стиховъ.

скользкій языкъ сжимающая обручами, проскальзывала чрезъ глотку, сладострастно ощущающую. И понималось что-то теплое, поднималось сильное къ мозгу, который напрягался и отъ этого напряженія (мысленнаго напряженія) глаза становились хлесткими и огромными.

Онъ наклонился ко мнѣ и длинные пальцы на длинныхъ рукахъ шевелились.

— Вы... вы... слушайте... У него тѣло гибкое и стройное, глаза строги и лучисты, лицо его—

Книга неправильно сброшюрована: обложка вверхъ ногами. Я сначала вознегодовалъ, сочтя это намѣреннымъ. Потомъ понялъ. Приходить ко мнѣ сестра поэта, желая поговорить о присланной книгѣ. Я беру книгу и читаю. Она потомъ пишетъ брату: „Какой оригиналъ этотъ Волошинъ!“

Представь: держалъ твою книгу вверхъ ногами и такъ читалъ. Даже неприятно“.

Вы прощаетесь.

— Приходите вечеромъ чай пить...

Надо пойти. Тамъ васъ угостятъ... мистификаціей.

II.

Вечеръ. Снова поваркиваетъ на васъ Аладинъ, и вы—въ комнатѣ Пра. Громадное лежащее окно обрамляетъ смутный массивъ Карадага, смутную пелену моря и лунныя отраженія, берегомъ сіяющаго серебрянаго острова встающія у горизонта.

Навстрѣчу вамъ десятокъ рукъ подымается къ потолку. Но успокойтесь: васъ вовсе не приняли за бандита: это—коктебельское привѣтствіе. И, конечно, этотъ пластическій жестъ имѣетъ преимущество надъ угловатымъ chane—hands'омъ.

Васъ знакомятъ. Но, къ вашему удивленію, среди присутствующихъ не оказывается ожидаемыхъ лицъ. Длиннобородый молчаливый господинъ

ликъ ангеловъ—заговорилъ протяжно—письма византійскаго, при Володимирѣ изъ Царя—града привезеннаго. . . Строгій, нѣжный и безжизненный ликъ. . . Мы знали другъ друга давно, но только три мѣсяца я съ нимъ сошелся ближе и только полъ мѣсяца былъ онъ любовникомъ моимъ, былъ онъ любовницей моею. . . Страстный, холодный, гнѣвный, красивый и сумасбродный до крайности. . .

Онъ нервно пошарилъ въ жилетномъ карманѣ и вытащилъ крошечный револьверъ—плоскій, съ маленькимъ жаднымъ дуломъ. Весь револьверъ могъ помѣститься на ладони.

— Это его. . . Когда онъ сидѣлъ предъ зеркаломъ, я подошелъ сзади и смотря въ его глаза—въ зеркалѣ—поднесъ къ уху этотъ револьверъ. Онъ видѣлъ это глазами спокойными, святыми глазами ангеловъ письма византійскаго. А я нажалъ курокъ. Знаете? Знаете?—какъ хлопшка дѣтекая, которая на елкѣ—хлопъ и рождественскій подарокъ, елочный, дѣда Мороза полученъ. . .

Онъ только глаза закрылъ и все. Все убійство. . . Скоро?—онъ усмѣхнувшись, оборотился ко мнѣ.—Коньякъ. Гдѣ? . .

Прогремѣлъ цѣпями тяжелый автомобиль, задрожали стекла, всхлипнулъ абажуръ и прозвенѣлъ умирающе.

Онъ вскочилъ.

— Что? Что?

И голосомъ тихимъ шепталъ неразборчиво. . . Нахлобучилъ шапку. Повернувшись круто, выбѣжалъ

На тротуарѣ, подъ фонаремъ мелькнула фигура въ широкомъ деми. Фигура странная, распластанная въ туманъ.

Скоро туманъ поглотилъ фонари и надвинулся на окна комнаты моей. Пританлся, скользя въ щели невидимый.

П. Рамзасъ.

Галицко-Русскія театральныя дружины.

Въ Галицкой Руси, въ Австріи, живетъ три съ половиной милліона русскихъ людей. Извѣстно, какую борьбу ведутъ они за сохраненіе своего національнаго облика.

Главнымъ оплотомъ въ этой борьбѣ, особенно обострившейся за послѣдніе годы, является привязанность ихъ къ родной русской церкви, русской азбукѣ, къ національной червонно-русской пѣснѣ и стариннымъ обычаямъ.

На гроши своихъ крестьянъ и духовенства галицко-русскій народъ устраиваетъ около каждой церкви народныя читальни. Въ этихъ читальняхъ воспитывается взрослое и подростокующее поколѣніе. Въ нихъ закаливается вѣрность всему русскому, укрѣпляется сознаніе культурно-національнаго единства галицко-русскаго народа-этой Руси Подъяремной, какъ себя называютъ Галичане—съ русскими братьями въ Россіи. Въ нихъ пополняются тѣ неизбежныя пробѣлы въ народномъ образованіи, которые оставляетъ чужая школа въ Галиціи, польская, равно, какъ и ея родная сестра школа украинско-мазепинская.

При читальняхъ образуются изъ даровитой крестьянской молодежи театральныя дружины, дающія представленія въ своей округѣ, ближайшихъ городахъ и даже во Львовѣ.

Такихъ крестьянскихъ театальныхъ дружинъ въ Галиціи уже нѣсколько, на примѣръ: въ Жолквѣ, въ Забототцахъ, Добромиль, Бенковцахъ и др.

Организаторы театральной труппы, объѣхавъ разныя галицко-русскія читальни, наблюдавъ за игрою деревенскихъ любителей—артистовъ, выбрали лучшихъ изъ нихъ и составили своеобразную крестьянскую труппу.

И голосомъ тихимъ шепталъ неразборчиво. .
Нахлобучилъ шапку. Повернувшись круто, выбѣжалъ
На тротуарѣ, подѣ фонаремъ мелькнула фигура
въ широкомъ деми. Фигура странная, распластанная
въ туманѣ.

Скоро туманъ поглотилъ фонари и надвинулся
на окна комнаты моей. Притаился, скользя въ щели
невидимыя.

П. Рамзаевъ.

оказывается Папусомъ, юноша съ высокимъ лбомъ
и черной гривой—секретаремъ президента Андоррской
республики, причемъ васъ тихонько предупредаютъ,
что онъ страдаетъ клептоманіей, сухой сѣдой
человѣкъ въ полувоенномъ костюмѣ аттестуется
брачнымъ агентомъ, но на ухо вамъ сообщаютъ,
что это—сыщикъ изъ Одессы,—и вы стараетесь
осторожно выразаться, и т. д.

Скоро вы замѣчаете, что, несмотря на великолѣпныя
папиросы, предлагаемыя Пра, общее вниманіе и
радужіе, вы попали въ очень напряженную
атмосферу: двѣ дамы явно ревнуютъ другъ
друга къ молчаливому художнику, обмѣниваются
колкостями, которыя все обостряются. Неладно и
съ мужчинами. Они дуются одинъ на другого,
уделяются. Художникъ вызываетъ одну изъ
соперницъ въ смежную комнату. Оставшаяся
закатываетъ истерику. Ее уносятъ въ мастерскую.
Вы порываетесь уйти, но—помилуйте! какъ можно!
посидите! Вы остаетесь, и событія разворачиваются
быстро. Кто—то вбѣгаетъ и кричитъ, что дама,
унесенная въ мастерскую, отправилась топить
ся. Подымается невообразимая суматоха: бѣгаютъ,
кричатъ, хлопаютъ дверьми, отыскиваютъ
спасательный кругъ, дождемъ сыплются табуретки
и подушки. Черезъ нѣсколько минутъ утопленницу

шихъ городахъ и даже во Львовѣ.

Такихъ крестьянскихъ театралныхъ дружинъ
въ Галиціи уже нѣсколько, на примѣръ: въ Жолквѣ,
въ Забототцахъ, Добромилѣ, Бенковцахъ и др.

Организаторы театралной труппы, объѣхавъ
разныя галицко-русскія читальни, понаблюдавъ за
игрою деревенскихъ любителей—артистовъ, выбрали
лучшихъ изъ нихъ и составили своеобразную
крестьянскую труппу.

вносятъ. Она безъ чувствъ, волосы распущены,
но купальный костюмъ—сухъ. Тутъ вы
соображаете, что передъ вами разворачивается
своеобразная комедія dell'arte.

Волошинъ великолѣпенъ. Въ купальномъ
костюмѣ, съ гигантскимъ спасательнымъ кругомъ
черезъ плечо, съ намоченными волосами, онъ
походитъ на бретонскаго рыбака.

Утопленницу откачиваютъ. Она, придя въ
себя и слабымъ голосомъ простивъ свою соперницу,
вдругъ вскакиваетъ съ ложа и пускается
съ нею въ плясъ. Черезъ минуту пляшутъ всѣ,—
какой то безумный вальсъ.

Фу! Игра кончена, маски сняты. Секретарь
Андоррскаго президента оказывается виднымъ
московскимъ поэтомъ, одесскій сыщикъ—знаменитымъ
пейзажистомъ, утопленница—актрисой камернаго
театра, и проч.

Теперь вы крещены кокетельскимъ крещеніемъ,
вы—свой.

Завязывается общая оживленная бесѣда,
исполненная остроумныхъ шутокъ и репликъ. Все
весело, остро и незлобиво. И всѣми мудро
правитъ Пра, какъ поется въ торжественномъ гимнѣ
Коктебельской республики. Сѣдая, съ стриженными
волосами, Елена Оттобальдовна,—Пра, то

Собравъ ихъ всѣхъ во Львовѣ, эти организаторы разучили съ ними самыя популярныя пьесы въ Галиціи: „Подгоряне“—оперетку Ив. Гущелевича, „Капралъ Тимко“—оперетку, написанную на комедію извѣстнаго Ивана Наумовича В. Мыдловскимъ, „Верховинцы“—мелодраму Кореневского и, наконецъ, „Ой не ходы Грицю на вечерницю“—Старицкаго, взятую изъ репертуара нашихъ театровъ, но приспособленную къ галицко-русскому быту.

Пьесы эти интересны не съ одной только точки зрѣнія бытовой, этнографической. Всѣмъ извѣстна красота народныхъ нарядовъ карпатскихъ горцевъ Гуцуловъ и Бойковъ, ихъ разудалыя пляски, какъ „Коломыйка“ и др. Пьесы интересны и съ музыкальной стороны, такъ какъ оригинальные галицко-русскіе мотивы почти совершенно неизвѣстны нашимъ композиторамъ.

Посѣщеніе этихъ представленій вызываетъ чувство національной гордости при видѣ живучести русскаго народа, сохранившаго свою самобытность даже тамъ, гдѣ онъ уже шестое столѣтіе оторванъ отъ общерусскаго національнаго очага.

В. П. Рѣдькинъ.

Хроника литературы и искусства.

●● **Андрей Соболевъ.** Въ Харьковѣ находится сейчасъ писатель Андрей Соболевъ, авторъ нашумѣвшаго романа „Пыль“.

●● **Лѣтопись.** Кіевское из-во „Лѣтопись“ выпускаетъ въ свѣтъ вторую книгу рассказовъ Андрея Соболя—„Люди

прохожія“ и стихи И. Эренбурга—„Смертный часъ“ (2-ое изданіе „Молитва о Россіи“).

●● **Хороводъ.** Вышелъ первый номеръ двухнедѣльника „Хороводъ“, редактируемаго Ан. Бурнакинымъ. Журналъ производитъ впечатлѣніе бездарной провинціи, гдѣ всѣ юноши мнятъ себя поэтами и писателями, но позже женятся и поступаютъ въ банкъ. . . Въ номерѣ стихи Н. Орельскаго, того самаго Орельскаго, который только недавно въ отдѣльной книжкѣ чистосердечно сознался, что онъ не Лермонтовъ. . . Млѣетъ отъ балетной страсти Юлія Соколовская. Бурнакинъ нашелъ ключъ „къ тайнамъ художественнаго воплощенія“ въ статьѣ „Что же такое красота“, но этотъ ключъ выбивается изъ его рукъ его же поэма „Омонимы“. . . Таковъ Хороводъ.

●● **Комиссъ.** Комиссаромъ по дѣламъ искусствъ по Харькову назначенъ т. Куликъ, всеукраинскимъ комиссаромъ—т. Гастевъ.

●● **Театръ поэтовъ.** На открытіе такъ называемаго—театра поэтовъ „Синяя птица“, какъ и слѣдовало ожидать, не пріѣхалъ ни Никулинъ, ни Сѣверянинъ. Послѣдній не пріѣхалъ, вѣроятно, потому, что путь между Харьковомъ и . . . Швеціей еще не исправленъ. Такимъ образомъ состоялось открытіе не театра поэтовъ, а кабаре В. Королевича, поэта, проба котораго опредѣляется его же неграмотными вздохами о „сорванныхъ вензеляхъ Его Величества“, о „паркѣ дофиновъ, гдѣ наглый крикъ опьянѣвшихъ солдатъ“ . . .

●● **Камена.** Заканчивается печатаніемъ вторая книга журнала „Камена“. Содержаніе книги: стихи Аллегро, Ал. Биска, Георгія Иванова, С. Парнокъ, Д. Помренинга. Ан. Фиолетова; статьи М. Волошина, В. П., Е. Ланна, И. Эренбурга и В. Лившица.

●● **Театры.** Истекшая недѣля не принесла никакихъ радостей изъ театральнаго міра. У Синельникова прошла одна премьера „Молодежь“ Дрейера. Слабые признаки жизни подаетъ Большой театръ. Молчитъ Домъ Артиста. Въ коммерческомъ клубѣ подвизаются опера съ Цесевичемъ и оперетта—дѣла скучныя.

●● **Всплески.** Новая книга стиховъ Моиса Эйслера издана „милліонерски“. Роскошный переплетъ, дорогая бумага. Если бы страницы эти не были заполнены текстомъ, уѣзши похжимъ на стихи, книга могла сойти за полезную принадлежность письменнаго стола.

●● **Тоска рѣсницъ.** Вышла изъ печати вторая книга стиховъ Петра Краснова—„Тоска Рѣсницъ“. Книга издана

Хроника литературы и искусства.

●● Андрей Соболев. Въ Харьковѣ находится сейчасъ писатель Андрей Соболевъ, авторъ напечатаннаго романа „Пыль“.

●● Лѣтопись. Киевское из-во „Лѣтопись“ выпускаетъ въ свѣтъ вторую книгу рассказовъ Андрея Соболева—„Люди

бранить поэта, забравшагося съ ногами на диванъ, или поэтессу, сѣвшую въ ея кресло, то рассказываетъ о Парижѣ, о Вячеславѣ Ивановѣ, о дѣтскихъ годахъ Максимиліана Волошина. Ея власть—непреоборима. Жить въ домѣ Волошина и не попасть въ руки шутки или разноса Пра—почти невозможно. Однако, авторъ этихъ строкъ очутился въ этомъ исключительномъ положеніи, хотя и галопировалъ по крышѣ въ погонѣ за унесенной вѣтромъ рукописью.

Но какъ ошибется тотъ, кто на основаніи этого рассказа заключить о бездѣятельности жизни подданныхъ Пра. Въ Коктебелѣ умѣютъ напряженно работать и работаютъ.

Максимиліанъ Волошинъ, очень увлекаясь живописью, ежедневно немало часовъ посвящаетъ своимъ акварелямъ, пишучи ихъ по пяти, по шести въ день. Живопись его, которую о. П. Флоренскій мѣтко называлъ мета-геологіей, вся посвящена раскрытію сущности Коктебельской природы, и въ четкой графикѣ своей, въ бархатномъ разливѣ красокъ воспроизводитъ напряженность Карадагскихъ складокъ, зной и сухость степныхъ балокъ, ультрамариновые тѣни ущелій, воспаленные полдни и вѣера закатныхъ облаковъ. Значительное коли-

●● Театры. Истекшая недѣля не принесла никакихъ радостей изъ театрального міра. У Синельникова прошла одна премьера „Молодежь“ Дрейера. Слабые признаки жизни подаетъ Большой театр. Молчитъ Домъ Артиста. Въ коммерческомъ клубѣ подвизаются опера съ Цесевичемъ и оперетта—дѣла скучныя.

●● Всплески. Новая книга стиховъ Моиса Эйслера издана „милліонерски“. Роскошный переплетъ, дорогая бумага. Если бы страницы эти не были заполнены текстомъ, вѣрнее похотѣли бы стихи, книга могла сойти за полезную принадлежность письменнаго стола.

●● Тоска рѣсницъ. Вышла изъ печати вторая книга стиховъ Петра Краснова—„Тоска Рѣсницъ“. Книга издана

чество Волошинскихъ акварелей появится въ Харьковѣ на выставкѣ Художественнаго Цеха.

Не менѣе напряженно протекаетъ работа Волошина и въ дѣлѣ созданія художественнаго слова.

III.

Извѣстность поэта и вѣсомость поэзіи далеко не всегда находятся въ прямомъ отношеніи. Стихи Надсона идутъ чуть ли не сотымъ изданіемъ, а гениальный Тютчевъ получилъ всеобщее признаніе лишь къ столѣтнему юбилею рожденія. И въ наши дни почти на ряду съ Бальмонтомъ и Сологубомъ „гремѣлъ“ Сергѣй Городецкій, а такой громадный поэтъ, какъ Иннокентій Анненскій до самой смерти оставался въ упорной тѣни.

И Максимиліанъ Волошинъ,—потому ли, что живетъ вдали отъ литературныхъ рынковъ, потому ли, что мало печатаетъ, потому ли, наконецъ, что стихи его слишкомъ насыщены культурой, обра-щающей повышенныя требованія къ читателю,—мало извѣстенъ широкой публикѣ. По крайней мѣрѣ страницы „чтецовъ-декламаторовъ“ отпечатлѣвшія его стихи, остаются въ библиотечныхъ экземплярахъ гораздо болѣе чистыми, чѣмъ страницы Бальмонта или Блока,—показатель!

на дорогой бумаге и в отдельную продажу поступила в ограниченном количестве экземпляров.

● **Союз дѣятелей лѣваго искусства.** Окончательно сконструировалось правление Проф. Союза Дѣят. Лѣваго Искусства. Избраны: предс. Г. Петниковъ, тов. предс. В. Бобрицкій, секретарь В. Пичета, члены: Б. С. Глаголинъ, А. Я. Могилевскій, В. Перцовъ, А. А. Смирновъ, Б. К. Яновскій.

Союзомъ приняты слѣдующія резолюціи:

1. „Констатируя объективный фактъ огромной культурной работы, производимой совѣтской властью, Союзъ отмѣчаетъ, что это небывавшая въ исторіи власть, живо связавшая себя съ судьбами искусства, гонимого и отвергаемого доселѣ буржуазнымъ обществомъ, видитъ въ ней бесспорно прогрессивный факторъ для развитія русскаго художества—съ одной стороны, и единственно реальную попытку привлеченія къ творчеству широкихъ народныхъ массъ—съ другой, вслѣдствіе чего считаетъ необходимымъ самое активное сотрудничество съ ней на всѣхъ путяхъ ея культурныхъ начинаній и дѣятельности“.

2. „Учитывая явное несоотвѣтствіе между значительностью текущего момента въ народной жизни и уродливой скудостью художественной дѣятельности, Союзъ видитъ въ такомъ фактѣ послѣдствіе не однихъ какихъ—нибудь надъ волей стоящихъ причинъ, но и необходимый результатъ повсемѣстнаго засилья въ искусствѣ лицъ, озабоченныхъ не интересами искусства, но коммерческой выгодой доставленія зрѣлищъ имущимъ классамъ. Союзъ ставитъ себя цѣлью оздоровленіе подобной ненормальной атмосферы, въ чемъ надѣется встрѣтить совпаденіе своихъ намѣреній съ видами Совѣтской Власти“.

Выставка художественнаго Цеха.

Необычайный подъемъ искусства въ Совѣтской Россіи отразился и у насъ, усиливъ пульсацию мѣстной художественной жизни. Все вновь возникающіе театры, количество которыхъ по сравненію съ прошлыми годами слѣдуетъ признать значительнымъ (о

качества ихъ говорить пока не будемъ, такъ какъ здѣсь важно упомянуть фактъ ихъ возникновенія) много журналовъ, лекцій и выступленій поэтовъ указываютъ на это. Къ сожалѣнію художники, возможно въ силу своей внутренней несорганизованности, нѣсколько запоздали съ проявленіемъ активной дѣятельности. Теперь, когда партійная группировка художественныхъ силъ болѣе или менѣе опредѣлилась, выставку художественнаго Цеха можно разсматривать какъ примиряющую, занимающую среднюю позицію въ борьбѣ правыхъ и лѣвыхъ художниковъ. Партійное соотношеніе въ данный моментъ таково: справа—„Товарищество Харьковскихъ Художниковъ“, „Союзъ Искусствъ“ слѣва—„Союзъ Семи“ и „Горнь“ (анарх.-инд. художниковъ) и между ними Художественный Цехъ. Устроеніе Художественнымъ Цехомъ выставки слѣдуетъ признать нужнымъ и своевременнымъ. Возможно, что ей суждено сыграть роль возбудителя, заставивъ и другія организациі проявить признаки жизни и, прорвавъ затишье вызванное политическими моментами, накормить изголодавшіяся по искусству массы.

Переходя къ разсмотрѣнію данной выставки, отмѣтимъ прежде всего работы мастера Художественнаго Цеха—Мане Кацъ. Культурность его работъ, композиціонныя и цвѣтовые задачи заставляютъ обратить на него вниманіе при обзорѣ выставки. Чрезвычайно отраднo констатировать фактъ тяги къ кубистическому построенію (въ портретѣ поэта Ланна, непріятно, впрочемъ, дѣйствующаго модерномъ тона лица и волосъ). Поскольку пространственныя отношенія формы связаны съ присущимъ ей цвѣтомъ (явленіе ситуациі отбрасываю)—современная живопись (кубизмъ) не допускаетъ столь вольнаго отношенія къ цвѣту. Если Мане Кацъ принимаетъ живопись какъ пластическую интеграцію, то красочная основа его

Выставка художественного Цеха.

Необычайный подъем искусства въ Совѣтской Россіи отразился и у насъ, усиливъ пульсацию мѣстной художественной жизни. Все вновь возникающіе театры, количество которыхъ по сравненію съ прошлыми годами слѣдуетъ признать значительнымъ (о

Но въ литературныхъ кругахъ имя Волошина пользуется высокой репутаціей.

Волошинъ, по собственному признанію, не „свѣтлый лирикъ, что нижетъ широкія и щедрія слова на вихри струнные, качающіе душу“,—онъ—„кузнецъ упорныхъ словъ“, онъ—„вкусъ, запахъ, цвѣтъ и мѣру выплавляетъ изъ скрытой сущности“. Онъ, дѣйствительно, „чеканщикъ монетъ“, „гранильщикъ камней“. Его черновыя тетради позволяютъ ощупать всю его работу надъ словомъ. Одно стихотвореніе иногда пишется *несколько лѣтъ*. Такъ, въ тетради, напр., 1907 года можно найти отдѣльные образы, созвучія, ритмическіе отрывки, выписки эпитетовъ, разно тембрирующихъ основную ноту. То же самое оказывается перенесеннымъ въ тетрадь 1909 года съ прибавленіемъ новаго, и т. д. Постепенно накапливается богатая палитра красокъ для основного образа стихотворенія,—и гдѣ нибудь въ тетради 1911 или 12 года мы находимъ стихотвореніе осуществленнымъ, что не защищаетъ его отъ дальнѣйшей обработки.

Не потому ли такъ равны книги Волошина, такъ выдержанъ лирический уровень его стиховъ? Какой урокъ стихотворцамъ, эшелонами отправляющимъ стихи въ типографію.

тять на него вниманіе при обзорѣ выставки. Чрезвычайно отрадно констатировать фактъ тяги къ кубистическому построению (въ портретѣ поэта Ланна, непріятно, впрочемъ, дѣйствующаго модерномъ тона лица и волосъ). Поскольку пространственныя отношенія формы связаны съ присущимъ ей цвѣтомъ (явленіе ситуациі отбрасываю)—современная живопись (кубизмъ) не допускаетъ столь вольнаго отношенія къ цвѣту. Если Мане Кацъ принимаетъ живопись какъ пластическую интеграцію, то красочная основа его

Если позволительно раздѣлить стихію поэзіи на два начала: музыкальное и пластическое, то Волошинъ—безспорный господинъ второго. Только Вяч. Ивановъ можетъ поспорить съ нимъ въ искусствѣ подобрать наиболѣе вѣскія, наиболѣе полнозвучныя и полнокрасочныя слова для выраженія желаемаго. Такъ, зной у Волошина „медленно плавится темнымъ золотомъ смоль“, цепелинъ надъ Парижемъ „висѣлъ въ созвѣздіи Тельца, какъ стволъ дорической колонны“, вечеромъ, въ окнѣ мастерской „бьются зори огненнымъ крыломъ“. И вотъ этотъ послѣдній, чисто парнаасскій, на первый взглядъ, образъ весь насыщенъ живымъ біеніемъ эмоціи: бьются крыломъ подстрѣленные птицы; вечерняя заря—скорбна.

Первооснова воздѣйствія на психику читателя,—ритмъ представляется крайне интереснымъ въ стихахъ Волошина. Своеобразный и богатый, онъ въ каждой строкѣ переливается по иному, въ точности соответствуя всѣмъ изгибамъ логическаго рельефа. Волошинскій *vers libre*,—свободный стихъ, приближается къ Пушкинскому, далеко оставляя за собой почти всѣ попытки современныхъ стихотворцевъ, и опыты введенія въ русскій

работъ ложна. Очевидно Кацъ не давая себѣ яснаго отчета, смѣшиваетъ задачи чистой живописи съ устремленіями декоративнаго характера, въ живописи чистой недопустимаго. Изъ лучшихъ его вещей назовемъ групповой портретъ и портретъ поэта Ланна. Что же касается *intereur* а, то онъ не совсѣмъ самостоятеленъ, творчество Марка Шагала несомнѣнно повліяло на художника. Позволю себѣ привести двѣ выдержки изъ статьи Тугенхольда о Шагалѣ (Аполлонъ 1916 г.): „... эта черная ночь, ночь заклятій и чудесъ, зіяетъ сквозь бутафорски намалеванное окно въ этюдъ Шагала — „часы“ Тяжеловѣсный маятникъ отсчитываетъ столѣтія — минуты унылой жизни...“ и въ другомъ мѣстѣ „... грошевая лампа, дымя какъ древняя лампадка, пламенѣетъ золотомъ огня“. Рисунки страдаютъ отсутствіемъ размѣщенія и внутренней аналитичности, что можно усмотрѣть представивъ себѣ послѣдовательный процессъ работы художника надъ рисункомъ. Художникъ Кацъ производитъ несомнѣнно наиболѣе законченное впечатлѣніе на выставкѣ, и по мастерству стоитъ выше всѣхъ остальныхъ участниковъ.

Э. Штейнбергъ, выставившій нѣсколько старыхъ, всѣмъ надоѣвшихъ по многимъ выставкамъ, работъ, въ обычной своей манерѣ, не прибавилъ ни слова къ тому, что было сказано имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Коваленко вполне усвоилъ манеру Штейнберга, но свѣжестью краски и менѣе проявленной склонностью къ „Munchen-стиль“, производитъ болѣе отрадное впечатлѣніе.

Агафоновъ грубъ въ краскѣ и композиціи, да и нетвердъ въ рисункѣ. Лучше другихъ Натурщица.

И. Эренбургъ умѣстенъ на ученической выставкѣ, да и то его рисунки сангвиной школьной кри-

Леонора Блохъ выставила уже видѣнный нами мраморъ, съ натуралистической стороны грамотный, но отъ задачъ современной скульптуры крайне далекій.

Слѣдуетъ упомянуть о двухъ *nature mort*ахъ художника Костенко, французская школа и мастерство которыхъ заставляетъ выдѣлить ихъ изъ числа выставленныхъ работъ.

Желаніе Волошина совмѣстить поэзію и живопись приводитъ къ довольно непріятному результату въ видѣ его акварельныхъ стилизованныхъ съ «контуркомъ» пейзажей. Остальные участники, въ томъ числѣ и Ивановъ, не отшедшій отъ чаръ символическихъ, разсмотрѣнію не подлежатъ.

Б.

Времена и нравы

... року 1915-го отъ Р. Х. писано: „Вотъ война пришла и кто изъ васъ смогъ написать пѣсню наступленія. Вы ушли отъ жизни, хотѣли искусство обратить въ комнатную собаку“.

Въ 1918-омъ, когда революція войну побѣдила тотъ же писалъ: «По странной случайности футуризмъ сдѣлался официальнымъ искусствомъ Совѣтскаго Госсіи.... А искусству это обходится дорого, такъ какъ передовые художники слятся родить то, что еще не выношено, стараются связать то, что не связано: искусство и политику».

назадъ.

Коваленко вполне усвоилъ манеру Штейнберга, но свѣжестью краски и менѣе проявленной склонностью къ „München-стиль“, производить болѣе отрадное впечатлѣніе.

Агафоновъ грубъ въ краскѣ и композиціи, да и нетвердъ въ рисунокѣ. Лучше другихъ Натурщица.

И. Эренбургъ умѣстенъ на ученической выставкѣ, да и то его рисунки сангвиной школьной критики не выдерживаютъ.

стихъ античныхъ размѣровъ стоятъ выше Фетовскихъ:

Февральскій вечеръ сизой тоской повить.

Нагорной степью путь мой уходитъ вдаль.

Жгутами струй сѣчетъ глаза дождь.

Сѣверный вѣтеръ гудитъ въ провалахъ.

Такимъ образомъ, формальное совершенство стиховъ Волошина—непререкаемо: Какая же душа оживляетъ эти великолѣпныя формы?

Недавно вышедшая книга избранныхъ стиховъ Волошина „Иверни“ (отъ стараго русскаго слова иверень—обломокъ) отвѣчаетъ на это. Объемля творчество Волошина болѣе, чѣмъ за пятнадцать лѣтъ, раздѣленная на восемь четкихъ отдѣловъ, она выявляетъ весь ростъ и всѣ завершенія Волошинскаго міросозерцанія и рисуетъ намъ его *поэтомъ космической пышности.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Георгій Шенгели.

наступленія. Вы ушли отъ жизни, хотѣли искусство обратить въ комнатную собаку“.

Въ 1918-омъ, когда революція войну побѣдила тотъ же писалъ: «По странной случайности футуризмъ сдѣлался официальнымъ искусствомъ Совѣтской Россіи.... А искусству это обходится дорого, такъ какъ передовые художники селятся родить то, что еще не выношено, стараются связать то, что не связано: искусство и политику».

Въ 1915-омъ онъ: «Цензурными вырѣзками превращенная въ отрывки, притушенная, но и въ этомъ видѣ огненная вышла книга Маяковского «облако въ штанахъ». Изъ книги вырѣзано почти все, что являлось политическимъ credo русскаго футуризма; остались любовь, гнѣвъ, прославленная улица и новое мастерство формы».

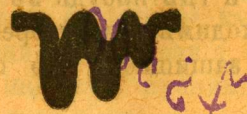
Въ 18-омъ:—«Въ это же время въ совѣтскихъ театрахъ готовятся вещи Каменскаго и Маяковского... Ни обывательскія, ни рабочія массы не поняли футуризма, не захотѣли его».

Писано однимъ изъ малыхъ сихъ. Ишь какимъ гоголемъ ходилъ въ «Барабанъ футуристовъ»—«Я знаете ли съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ».

Не въ мочь высокое искусство Шкловскимъ...

Но знаемъ: Мятёжные—Хлѣбниковъ, Каменскій, Маяковский—на славномъ посту!

В. Випера.

Редакторъ: коллегія.

Издатель: кооперативное т-во из-ва „Харьковъ“.

Отъ Правленія Кооперативнаго Товарищества Издательства „ХАРЬКОВЪ“.

(Гор. Харьковъ. Классическ. пер. № 8. Тел. 4—92 и 44—80).

Товарищество, начавъ свою дѣятельность 20 октября 1918 года, послѣ перваго Общаго Собранія членовъ-пайщиковъ, ставитъ ближайшей своей задачей закупку и сбытъ разнаго рода произведеній печати, изданіе лекцій, учебниковъ и иныхъ книгъ, выпускъ большой ежедневной безпартійной газеты съ утреннимъ, вечернимъ и послѣпраздничнымъ выпусками и журналовъ, открытіе библиотекъ, читаленъ, устройства лекцій, концертовъ и др.

Капиталь Товарищества образуется изъ паевыхъ взносов.

Для зачисленія въ члены Товарищества необходимо приобрѣтеніе не менѣ одного пая въ размѣрѣ 100 рублей, вносимаго безъ разсрочки.

Правленіе обращается ко всѣмъ членамъ Товарищества съ призывомъ приложить свой трудъ къ дѣлу привлеченія новыхъ членовъ общества.

Подписка на пай Товарищества принимается:

1) въ Правленіи Товарищества, по Классическому пер., № 8; ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 9 часовъ утра до 5 вечера.

2) въ Харьковскомъ Ссудо-Сберегательномъ Товариществѣ „Автокредитъ“, по Сумской ул., № 6, текущій счетъ № 205.

3) въ Харьковскомъ отдѣленіи Соединеннаго Банка, по Сумской ул., № 7, текущій счетъ № 2120.

4) въ Обществѣ Взаимнаго Кредита при-
изданныхъ по Рыбной ул. № 18, текущій счетъ

ОТЪ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНОГО ОТДѢЛА КООПЕРАТИВНАГО ТОВАРИЩЕСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА „ХАРЬКОВЪ“.

Въ воскресенье, 26 января нов. ст. сего года состоится
Въ залѣ Художественнаго Цеха (Сумская ул., № 14)
въ 12 часовъ дня.

ЛЕКЦІЯ--КОНЦЕРТЪ

(въ трехъ отдѣленіяхъ)

ДАРГОМЫЖСКІЙ И МУСОРГСКІЙ

при участіи лектора Бетховенской студіи въ Москвѣ
В. М. Алексѣева и артистовъ: Е. И. Хатаевой и А. Л.
Доливо-Соботиничаго. У рояля Н. Н. Боровко.

Весь чистый сборъ поступитъ на усиленіе средствъ
по изданію Кооперативнымъ Товариществомъ лекцій и
учебниковъ для высшей, средней и низшей школъ.

Билеты можно получать въ Главной Конторѣ Ко-
оперативнаго Товарищества издательства „Харьковъ“ по
Классическому пер., № 8, кв. 3, ежедневно отъ 9 до 5
часовъ вечера, а въ день концерта въ кассѣ художест-
веннаго цеха отъ 10 часовъ утра.

ОТЪ КООПЕРАТИВНАГО ТОВАРИЩЕСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА „ХАРЬКОВЪ“.

Товарищество приступаетъ въ скоромъ времени
къ изданію большой утренней ежедневной

НОВОЙ ГАЗЕТЫ

(„ХАРЬКОВЪ“)

—органъ безпартійной демократической мысли, при уча-
стии видныхъ представителей научнаго и литературнаго
мира и общественныхъ дѣятелей

...е, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и празднич-
ныхъ дней, отъ 9 часовъ утра до 5 вечера.

2) въ Харьковскомъ Ссудо-Сберегательномъ То-
вариществѣ „Автокредитъ“, по Сумской ул., № 6,
текущій счетъ № 205.

3) въ Харьковскомъ отдѣленіи Соединеннаго
Банка, по Сумской ул., № 7, текущій счетъ № 2120.

4) въ Обществѣ Взаимнаго Кредита при-
казчиковъ, по Рыбной ул., № 18, текущій счетъ
№ 547.

5) въ Харьковскомъ Кредитномъ Паевомъ То-
вариществѣ Муниципаль-Банкъ, по Петровскому пер.,
№ 13, текущій счетъ № 62.

6) въ Харьковскомъ Желѣзнодорожномъ Обществѣ
Взаимнаго Кредита, по Троицкому пер., № 2 (уголъ
Павловскій площ.), текущій счетъ № 1154—735.

7) въ Харьковскомъ отдѣленіи украинскаго
народнаго кооперативнаго банка, по Павловской площ.,
№ 13, (уголъ Сергіевской площ.), текущій счетъ № 29.

8) въ Харьковскомъ отдѣленіи Московскаго
Народнаго Банка, уголъ Павловской и Николаевской
площ., текущій счетъ № 1200.

9) въ Польскомъ ссудо-сберегательномъ то-
вариществѣ, по Павловской площ., № 23 текущій счетъ
№ 495.

45500

„ХАРЬКОВЪ“.

Товарищество приступаетъ въ скоромъ времени
къ изданію большой утренней ежедневной

НОВОЙ ГАЗЕТЫ

(„ХАРЬКОВЪ“)

—органъ безпартійной демократической мысли, при уча-
стіи видныхъ представителей ученаго и литературнаго
міра и общественныхъ дѣятелей.

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ

помѣщается по Класическому пер., № 8.

ТЕЛЕФОНЫ: { Редакціи 4—92.
 { Главной Конторы 44—80.

Редакція для личныхъ объясненій—отъ 12 до 2 дня,
кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Главная контора открыта для приѣма подписки ежед-
невно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней,
отъ 9 до 5 часовъ.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

ЛЕТРА КРАСНОВА

ТОСКА РѢСНИЦЪ

ЦѢНА ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Въ продажу книга поступила въ ограниченномъ
количествѣ экземпляровъ.

Складъ изданія: Магазинъ „Новое Время“.

Журналистъ съ женой ищетъ двѣ
небольшихъ

комнаты съ правомъ пользованія кухней и удоб-
ствами, Классическій пер. 8 кв. 3. телеф. 492.

**Открыта подписка на большой ежедѣльникъ
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.**

„П А Р У С Ъ“

Постоянные сотрудники: Бискъ А., Благой Д., Богатыревъ С. С., Викторъ Л., Волошинъ М., Вознесенскій А. С., Горностаевъ А., Герцыкъ А., де-Гриэ, проф. Геника Р. В., Евреиновъ Н. Н., Ивановъ Георгій, Ивневъ Р., Коро П., Красновъ П., проф. Кедровъ Н. Н., Лезинъ Б. А., Лившицъ Венедиктъ, Ланнъ Е., Мандельштамъ О., Митропанъ П., Новская Е., Помренингъ Д., Парнокъ

С., Рѣдкинъ В. П., Станкевичъ Ал., Сосоль Андрей проф. Сумцовъ Н. Ф., Танскій Ю. В., Турскій И., проф. Фоминъ П. И., Фиолетовъ Ан., Ховинъ В., Цагарели К., Шенгели Георгій, Шишова З., Эренбургъ И. и др.

Предположено участие; В. Г. Короленко, Евгенія Чирикова, А. Н. Толстого.

Редакторъ: Коллективъ.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 3 руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за мѣсяцъ (четыре номера) безъ доставки 12 рублей, съ пересылкой 14 рублей.

Адресъ редакціи и главной конторы: Классическій пер., № 8, кв. 3. Телефоны №№ 492 и 4480.

Приемъ по дѣламъ редакціи отъ 12 до 2 дня, КОНТОРА ОТКРЫТА отъ 9 до 4, кромѣ праздниковъ.

Издатель: Кооперативное Товарищество Издательства „Харьковъ“.

Приёмъ по дѣламъ редакціи отъ 12 до 2 дня, КОНТОРА ОТКРЫТА отъ 9 до 4, кромѣ праздникова.

Издатель: Кооперативное Товарищество Издательства „Харьковъ“.

НОВОЕ
ХАРЬКОВЪ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПЕЧАТНИКЪ
Рыбная ул. 28.
Телефонъ 1-30.
Въ редакцію принимаются рукописи, статьи, корреспонденция, а также заказы на печать. Редакция не несетъ ответственности за возвращенныя рукописи. Печать производится на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Заказы на печать принимаются за наличныя и по ссудамъ. Печать производится въ срокъ и по низкой цѣнѣ.

ТОСКА РАСНИЦА
ПЕЧАТНИКЪ
Рыбная ул. 28.
Телефонъ 1-30.
Въ редакцію принимаются рукописи, статьи, корреспонденция, а также заказы на печать. Редакция не несетъ ответственности за возвращенныя рукописи. Печать производится на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Заказы на печать принимаются за наличныя и по ссудамъ. Печать производится въ срокъ и по низкой цѣнѣ.

ЖУРНАЛИСТЪ С. ЖЕНОН
Въ редакцію принимаются рукописи, статьи, корреспонденция, а также заказы на печать. Редакция не несетъ ответственности за возвращенныя рукописи. Печать производится на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Заказы на печать принимаются за наличныя и по ссудамъ. Печать производится въ срокъ и по низкой цѣнѣ.

Въ редакцію принимаются рукописи, статьи, корреспонденция, а также заказы на печать. Редакция не несетъ ответственности за возвращенныя рукописи. Печать производится на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Заказы на печать принимаются за наличныя и по ссудамъ. Печать производится въ срокъ и по низкой цѣнѣ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
500 5TH AVENUE NEW YORK 17, N.Y.

Цѣна №-ра ТРИ рубля.

Цѣна №-ра ТРИ рубля.

Харьковъ, типографія „Печатникъ“ Рыбная ул., № 28.